

Библейско-богословская коллекция
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Соколов П.

**ПЕРВЫЙ ПРИДВОРНЫЙ
СТИХОТВОРЕЦ
ИЗ ВОСПИТАНИКОВ
МОСКОВСКОЙ
ЗАКОНОСПАССКОЙ
ШКОЛЫ В СВОИХ ПИСЬМАХ
И СТИХОТВОРЕНИЯХ**

Чтения общества любителей духовного просвещения,
1886,
№ 1, с. 587-634

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2010

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2010

Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Московской Законоспасской школы въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ.

Настоящую статью мы посвящаемъ одному изъ наиболѣе образованныхъ и энергичныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей второй половины 17 вѣка—Сильвестру Медвѣдеву, тѣсно связавшему имя свое съ исторіею возникновенія въ сѣверной Руси перваго высшаго учебнаго заведенія — Московской духовной академіи, стоящей на канунѣ своего 200 лѣтняго юбилея. Съ особеннымъ вниманіемъ мы остановились не на богословскихъ, не на историческихъ и библиографическихъ трудахъ Сильвестра, такъ-какъ о послѣднихъ въ нашей научной литературѣ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія: предметомъ своей статьи мы избрали переписку Сильвестра съ разными лицами и его стихотворенія, матеріаль, сравнительно весьма малоизвѣстный, и въ то же время крайне любопытный, какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ. Въ виду того, что въ нашей исторической литературѣ специальныхъ изслѣдованій о Медвѣдевѣ нѣтъ, если не считать во многихъ отношеніяхъ неполной статьи В. М. Ундольскаго: „Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ русской библиографіи“ (см. Чтен. въ общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1846 г., № 3); свѣдѣнія же сообщаемыя о немъ въ различныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, чрезвычайно скудны и нерѣдко при томъ сбивчивы и разнорѣчивы, мы сочли не излишнимъ предложить вниманію читателей нашихъ біографію этого монаха, замѣчательнаго какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и

по своей, полной приключеній, трагичнымъ концомъ увѣнчавшейся жизни.

Принимаясь за жизнеописаніе извѣстнаго лица, біографы, обыкновенно, опредѣляютъ въ началѣ годъ его рожденія, говорятъ объ его родителяхъ, описываютъ дни его юности. Послѣдовать ихъ примѣру мы не имѣемъ возможности; мы знаемъ только мѣсторожденіе Медвѣдева — (село Новоселки, находившееся въ 40 поприщахъ отъ града Брянска — Курска) ¹⁾, но когда именно появился на свѣтъ Симеонъ Медвѣдевъ, кому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, какъ проходило его дѣтство, — свѣдѣній объ этомъ ни въ трудахъ Симсона, ни въ свидѣльствахъ современниковъ о немъ никакихъ не сохранилось. Нужно, впрочемъ, думать, что происхожденіе Медвѣдева было далеко не аристократическое: исторія сохранила имена нѣкоторыхъ его родственниковъ, очевидно, принадлежавшихъ къ низшему сословію. Когда производился строгій и тщательный розыскъ по обвиненію Сильвестра въ государственномъ заговорѣ, къ дѣлу просу привлечены были: родной братъ обвиняемаго Борисъ Медвѣдевъ, 29 сентября 1689 года сысканный въ Курскѣ и жившій дворинкомъ въ нищенствѣ (слѣдств. дѣло о Шакл.), зять Медвѣдева, иноземецъ Мишка Гулскій, за которымъ была сестра „Селиверстки“: про занятія Мишки работникъ, жившій у него по найму, Ив. Володимировъ Иконниковъ, даетъ такое показаніе: „А работалъ Мишка, и держался при немъ для того, что онъ умѣетъ готовить ѣсть по полску, а онъ у него тому пріучивался, потому что онъ, Ивашка, живалъ у Грека, и ѣсть варить по гречески по малу умѣетъ“; родной племянникъ по матери, стрѣleckаго приказа подъачій, Иванъ Истоминаъ, ходившій къ дядѣ почасту и жившій у него во дни дѣтства (слѣдств. дѣло о Шакл.): родственникомъ, хотя и некровнымъ, доводился Сильвестру извѣстный іеромонахъ Чудова монастыря и справщикъ Московской духовной типографіи Каріонъ Истоминаъ, (свѣд. о которомъ см. въ словарѣ Евг. т. I., 318 стр., обзоръ дух. лит. Филар. подъ № 255). Въ статьѣ о творящихъ раздоры

¹⁾ См. 2 Ст. ст. П. В. Устрялова 32 стр., Аристова „Правленіе С. А.“ 2 стр., „О цоворастригѣ. С. С. Москвит. сент. 1843. щить вѣры (рпк. (ин. Б—ки) л. 35.

самъ Медвѣдевъ называется *простолюдиномъ* (Щить въры, л. 287). Неизвѣстно, какъ звали отца Медвѣдева: Соловьевъ, впрочемъ, величаетъ послѣдняго по отчеству — Петровичемъ (14 т. Ист. Росс. 94 стр.); но не смѣшиваетъ ли онъ, въ данномъ случаѣ, ученика съ учителемъ — Симеономъ Петровскимъ — Ситиновичемъ — Полоцкимъ? — Жизнь Симеона Медвѣдева до 1665 г. является для насъ, по извѣстному фигуральному выраженію, „покрытой мракомъ неизвѣстности“: ¹⁾ а въ этомъ году онъ находится уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго приказа: по случаю рожденія царевича Симеона Алексѣевича, Медвѣдевъ получаетъ 5-го апрѣля денежное вознагражденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими: Юріемъ Никофоровымъ, Феодоромъ Казанцемъ, Андреемъ Черново, Григоріемъ Ключаревымъ, Артеміемъ Степановымъ, Пестромъ Кудрявцевымъ, Иваномъ Полянскимъ и Маркеломъ Ваталинымъ (см. ст. Забѣлина: „для біографіи С. Медв.“ помѣщ. въ лѣтописяхъ Рус. Литер. и древн. изд. Н. Тихонравова, т. V, и въ опыт. изученія Русск. древностей и исторіи, стр. 185 - 196). Судя потому, что награда подъячимъ назначена была неравная (первымъ тремъ 16 руб., второй тройкѣ, какъ и Медвѣдеву, — 12, Полянскому и Ваталину — 10), нужно думать, что Медвѣдевъ уже послужилъ нѣкоторое время въ Приказѣ: ему выдается уже не меньшій, какъ новичкамъ, но средній окладъ. ²⁾ Необходимо замѣтить, говоритъ г. Забѣлинъ, что въ подъячіе въ этотъ приказъ выбирались люди способные, и главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ, его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованій ихъ въ думѣ, какова, напр., была его переписка съ воеводами, съ посломъ Ордынъ Нащекинымъ и другими близкими лицами. За тѣмъ, на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ,

¹⁾ Нѣкоторые историки высказываютъ предположеніе, что Сильвестръ уже успѣлъ до этого времени познакомиться съ ученостію и направленіемъ жизни и возрѣвній юго-западной Россіи.

²⁾ См. примѣч. на 198 стр. Оп. изуч. Рус. древности и исторіи.

такъ сказать, кабинетныхъ отяженій государя. Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ тайный приказъ, и если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подьячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служить достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особыя дарованія, то испытанный нравъ его оправдывали такой выборъ“. Черезъ три мѣсяца послѣ полученія Медвѣдевымъ денежной награды, его назначаютъ къ поступленію въ школу, основанную для наиболѣе способныхъ дворцовыхъ подьячихъ учиться по *латинямъ и грамматикѣ*, въ школу, мысль объ учрежденіи которой небездоказательно замѣчаетъ г. Забѣлинъ, принадлежитъ по всему вѣроятію Полоцкому¹⁾. Забѣлину посчастливилось найти въ расходныхъ записяхъ Тайнаго Приказа за 1665 г. слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подьячему Приказа Тайныхъ дѣлъ Ѳеодору Казанцу по указу Государеву выдано 100 рублей къ хорошему строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ, въ которыхъ вхоромахъ) „учитца по латинямъ подьячимъ Приказа Тайныхъ дѣлъ Семену Медвѣдеву, да дворцовымъ Семену да Ильѣ Казанцамъ“. (Соловьевъ въ своей исторіи называетъ еще одного ученика этой школы, Василія Репскаго, пѣвчаго, выѣхавшаго изъ Кіева съ епископомъ Меѳодіемъ—см. 54 примѣч. къ 14 т. Ист. Россіи). 30 іюля выдано еще 70 рублей къ тому же хорошему строенію, при чемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ для наученія подьячему Приказа Тайныхъ дѣлъ, слѣдов., тому же Медвѣдеву. Къ осени, безъ сомнѣнія, была окончена стройка, и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что старостою въ новомъ учрежденіи былъ

1) Авторъ статьи: „О духовныхъ училищахъ въ Россіи“, помѣщенной въ 3 кн. Прибавл. къ Тв. св. Отц. за 1845 годъ, какъ кажется, не имѣлъ свѣдѣній объ этой придворной, если можно употребить это выраженіе, школѣ, такъ что упрекъ, который имъ дѣлается Симеону, жившему, по словамъ автора, до 1672 года простымъ инокомъ въ Законоуспаскомъ монастырѣ (а Забѣлинъ высказываетъ предположеніе, что Симеонъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича), за то, что тотъ не настоялъ на учрежденіи училища въ Москвѣ, является въ статьѣ совершенно естественнымъ (172—3 стр.). Въ „Исторіи са. гр. Латвской Академіи“ (Москва, 1856 г.) о школѣ Полоцкаго также не упоминается.

Медвѣдевъ, такъ какъ деньги на необходимыя потребности школы получалъ онъ: 7 декабря ему выдано изъ суммъ Приказа 20 алтынъ на покупку свѣчь для ученья грамматики; 19 декабря для грамматическаго ученья на покупку дровъ 2 руб.; 14 января для того же грамматическаго ученья выдана полтина; 19 февраля Медвѣдевъ получаетъ на покупку дровъ 2 руб.; 14 марта на свѣчи 20 алтынъ; 13 октября 1667 г. Медвѣдеву въ школу выдано на покупку дровъ и свѣчь 2 руб. съ полтиною; 21 января 1668 г. снова выдана ему же въ школу на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ. Последнею записью и прекращаются свѣдѣнiя о подобныхъ расходахъ, которые, быть можетъ, перенесены были на какой либо другой источникъ или даже въ другое завѣдыванiе. — Кто же былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? — Такой вопросъ ставить г. Забѣлинъ, и самъ же отвѣчаетъ на него: „хотя и нѣтъ прямыхъ, положительныхъ указанiй на то, что учителемъ въ этой школѣ былъ знаменитый Полоцкiй, прибывшiй въ Москву въ 1664 году, т. е. не задолго до учрежденiя школы ¹⁾, однако въ этомъ почти нельзя сомнѣваться“. Соловьевъ, перечисляя учениковъ школы, называетъ и учителя ея: у Полоцкаго учились .. 54 примѣч. 14 т. Да и на самомъ дѣлѣ: школа была специально латинскою. Кому же на Руси могла придти мысль объ учрежденiи подобнаго заведенiя, и притомъ въ такое время, когда направленiе латинское не пользовалось ни малѣйшею популярностiю? Полоцкiй, воспитанникъ Кiевской коллегiи, (обз. дух. литер. Фил. подъ № 230), а по мнѣнiю Митрополита Евгения, ученикъ заграничныхъ польскихъ академiй (слов. ист. 584 стр.), по направленiю учености былъ положительный латинистъ, человекъ „уже предувѣщанный отъ иезуитовъ и прельщенный ими, по гречески же мало что знающiй“. Приѣзжаетъ онъ въ Москву, — и чрезъ годъ, по

1) Въ царство благочестивѣйшаго Государя Ал. Мих. по плѣненiи польскаго королевства (въ 1664 г.), пришедъ изъ Полотска града въ царствующiй градъ Москву нѣкто iеромонахъ, у езуитовъ учившiйся по латинѣ, именемъ Сямеонъ, прозванiемъ Полотскiй. Онъ же, еще быше ученъ и доброправенъ, обаче предувѣщанъ отъ иезуитовъ, папешниковъ сущихъ, въ тому же и книги латинскiя читаше, греческихъ же книгъ чтенiю не быше искусенъ“. (Остенъ, каз. изд., 130 стр.).

его прїѣздѣ, здѣсь возникаетъ школа, съ такою постановкою учебнаго дѣла, какую только и могъ придумать Полоцкій, бывшій въ Москвѣ первымъ представителемъ малорусскаго, чисто латинскаго направленія. Затѣмъ: деньги въ суммѣ Приказа выдаются для поддержки въ школѣ *ученья грамматичнаго*: это грамматичное ученье, преподаваніе въ школѣ различныхъ наукъ, и велось Полоцкимъ, что засвидѣтельствовано ученикомъ его, величавшимъ своего наставника названіемъ „*любомудрствечныйшій грамматиче*“ (19 е изъ черновыхъ писемъ Медвѣдева, ркп. Моск. Рум. библ. № 793) „Како азъ, восклицаетъ Медвѣдевъ, узнавши о проповѣдательской дѣятельности Симеона, превелимъ моимъ душевнымъ веселіемъ возвеселихся, и Бога, всякихъ благъ дателя, о такой ми присножелательнѣй радости благодарихъ, яко сподобивый мя Онъ дивный *въ твоємъ прподобіи первую учительскую должность зрѣти* и вторыя, многимъ временемъ ожидаемая, дожити: ибо прежде твоя пречестность *чрезъ мноіе лѣта едину точію учительскую должность совершилъ еси*; двѣ же суть должности учителя, поясняетъ далѣе Медвѣдевъ: или во еже бы отъ Бога читающе писаніе Божественное и *на части разсуждающе*, или тому, чесому отъ Бога научитися, народъ учити“. Понятно, такой учитель, какъ Полоцкій, получившій европейское образованіе, надѣленный энергіею, прекрасными способностями и замѣчательнымъ даромъ слова, не могъ не удовлетворительно вести дѣло преподаванія, тѣмъ болѣе, что обстоятельства благоприятствовали хорошей постановкѣ его: ученики школы были люди взрослые, уже подготовленные къ усвоенію курса ученія, если не высшаго, то, по крайней мѣрѣ, средняго. И Полоцкій, конечно, не предлагалъ своимъ слушателямъ давно знакомыхъ имъ элементарныхъ свѣдѣній. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Мирковичъ, авторъ статьи: «О школахъ и просвѣщеніи въ Патріаршій періодъ» (см. Ж. М. Н. Просв., іюль 1878 г.), что Симеонъ обучилъ учениковъ Спасской школы шитикѣ и риторикѣ, (богословію, исторіи, философіи и діалектикѣ, прибавимъ мы отъ себя), и упражнялъ ихъ въ составленіи виршъ и орацій, потому что онъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода запятія“ (12 стр.). Письма Медвѣдева блестящимъ образомъ иллюстри-

рують преподавательскую дѣятельность *patris reverendi*, какъ называли Полоцкаго. Ради упражненія учениковъ своихъ въ діалектическихъ тонкостяхъ, Полоцкій не рѣдко устраивалъ между ними примѣрные диспуты, къ которымъ такъ привыкъ онъ во время пребыванія въ Кіевской академіи. И вотъ „спудеи“ Спасской школы проводили время „*выну разсуждающе на часть*, (т. е. разсуждали двѣ стороны, изъ которыхъ одна была оппозиціонною), Божественное писаніе“, руководимые въ спорахъ своимъ учителемъ, опытнымъ діалектикомъ. Любимѣйшимъ ученикомъ Полоцкаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе способнымъ, былъ Симеонъ Медвѣдевъ, въ свою очередь вполне преданный своему патрону, сохранившій къ нему глубокую привязанность до его смерти. Жили они, по свидѣтельству современнаго имъ сочиненія, купно въ единой келліи (Остенъ, 140 стр.), т. е. въ одномъ и томъ же зданіи, выстроенномъ для школы въ Спасскомъ монастырѣ ¹⁾). Это обстоятельство давало имъ полную возможность къ постоянному обмѣну мыслей и было для Медвѣдева немаловажнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ приобрѣтенія знаній. Вліяніе Спасской школы глубоко сказалось на Медвѣдевѣ ²⁾), здѣсь былъ положенъ фундаментъ его замѣчательной по тому времени образованности, здѣсь коренится зародышъ его убѣжденій, которыя съ такою энергіею онъ пропандигировалъ, „прельстившись въ слѣдъ мудрованія онаго уніата, Полоцкаго Симеона“, здѣсь, вѣроятно, и возникло въ немъ намѣреніе принять на себя чинъ иноческій. Чѣмъ оно мотивировалось, -- относительно этого можно строить различныя предположенія. Митрополитъ Евгеній даетъ такое объясненіе: Медвѣдевъ, „одаренъ будучи острою ума, причемъ начитавшись разныхъ книгъ, почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монаше-

1) См. ст. Забѣлина 201 стр.

2) Не долго только просуществовала *alma mater* Медвѣдева: во всей вѣрности, она закончила свое существованіе вмѣстѣ со смертію Полоцкаго, а можетъ быть и раньше, когда послѣдній былъ сдѣланъ наставникомъ царевича -- (около 1672 г.), (ст. Мирковича). На мѣсту ей въ 1679 году открылось новое училище при типографіи, подъ управленіемъ іеромонаха Тимофея, родомъ русскаго, но изучившаго греч. языкъ.

ство“, слѣдоват., рѣшился оставить міръ по внутреннему глубокому убѣжденію, по ясному сознанию превосходства „чина ангельскаго“ предъ званіемъ мірянина, по сказавшемуся въ душѣ его призванію. Преосвященный Филаретъ о перемѣнѣ Медвѣдевымъ своего положенія говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Симеонъ, недовольный мірскою молвою, вступилъ въ Молченскую пустынь, чтобы свободнѣе заниматься книгами“. Сходно съ Преосвященнымъ Филаретомъ думаетъ Ундольскій: „должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ устраниваться міра и его молвы“. Заблѣлишь выдумываетъ другую причину: „Медвѣдевъ, говоритъ онъ, какъ умный и дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что удаленіе отъ міра и его молвы, гораздо вѣрнѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія“, -- слѣдоват., выводитъ поступокъ Медвѣдева изъ честолюбія. Трудно рѣшить, какое изъ данныхъ предположеній вѣрно: если Медвѣдевъ покидаетъ міръ изъ-за презрѣнія къ нему, если на самомъ дѣлѣ мірская молва была противна его нравственной природѣ, то крайне непонятнымъ явленіемъ будетъ представляться его послѣдующая жизнь, по возвращеніи въ Москву, бурная жизнь общественнаго дѣятеля. — Онъ поступаетъ въ Молченскую пустынь, чтобы свободнѣе заниматься книгами“, говоритъ преосвящ. Филаретъ; но дѣло-то въ томъ: представляетъ ли отдаленный отъ умственнаго центра столицы провинціальный монастырь особенныя удобства для научныхъ занятій? Не лучше ли было бы Медвѣдеву остаться въ Москвѣ: здѣсь у него подъ руками были всевозможныя пособія, здѣсь находился главный его руководитель, которому онъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ -- Полоцкій, здѣсь жили тогдашнія ученые знаменитости. имѣвшія въ своемъ распоряженіи громадныя, доступныя Медвѣдеву, бібліотеки? Если же, наконецъ, Медвѣдевъ пошелъ въ монахи по честолюбію, то почему же, въ такомъ случаѣ, опять онъ не остался ни въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, гдѣ онъ имѣлъ бы полную возможность составить себѣ карьеру, гдѣ у него былъ заведенъ обширный кругъ знакомыхъ, изъ которыхъ

иные имѣли громкое имя и немаловажное значеніе при Дворѣ, — покровительствуемый своимъ учителемъ, занимавшимъ высокое положеніе на „Верху“. Нужно думать, что шумная жизнь столицы, подъяческая служба въ Приказѣ, обставленная всевозможными формальностями, съ которыми никогда не примиряются люди, одаренные, что называется, широкою натурою, сильно не долюбливающею однообразія какого бы то ни было житья, по жаждущіе новыхъ впечатлѣній и контрастовъ, надѣла подъ конецъ Медвѣдеву: ему захотѣлось изъ-подъ постоянного контроля, хотя на время, вырваться на свободу, побыть одному среди сельской природы, привлекавшей къ себѣ его, деревенскаго уроженца, своею красотою. Подъячество и схоластика не вытравили въ Медвѣдевѣ нѣкотораго артистическаго чутья: его даровитая природа не очерствѣла въ душной атмосферѣ канцелярской службы, не поддавалась всецѣло мертвящей системѣ схоластицизма, господствовавшаго въ Спасской школѣ: и вотъ въ письмахъ бывшаго приказнаго мы находимъ выраженіе испытаннаго имъ восхищенія при видѣ на самомъ дѣлѣ прекрасной мѣстности Молченской обители; „Въ Божѣ пречестный господине отче Симеоне, а мнѣ милостивѣйшій отче и наставниче“, пишетъ Медвѣдевъ Полоцкому немедленно по прїѣздѣ своемъ въ Путивльскій монастырь, „купно со пречестнымъ отцемъ Софроніемъ достигохъ до предприятия пути и обрѣтохъ мѣсто, красотою и уединеніемъ надъ иныя сицевыя мѣста богато“. Въ другомъ своемъ письмѣ, адресованномъ отъ мѣсяца маія 1672 г. въ Москву нѣкому Дмитрію Ивановичу, Медвѣдевъ опять не упускаетъ случая коснуться мѣстоположенія пріютившей его обители, опять восхваляетъ красоту ея и уединеніе. ¹⁾ Оиъ, очевидно, вполне

¹⁾ Черта характеристичная. Въ своихъ запискахъ о стрѣльцкомъ бунтѣ, рассказывая, какъ стрѣльцы „идоша вло бодро и свирѣпствомъ ярящеса, яко звѣрк неукротимы“, Медвѣдевъ поставляетъ въ параллель бурныя явленія природы, которыя, кажется, совершались только въ его воображеніи, съ человѣческими мягжеями: „воздухъ во оное время премѣнися тихости, и воздвижеса буря вѣтрена велиа, и облаки мрачныя народу вѣщій страхъ дѣяше“ (6 т. соч. Туман. 72 стр.). Недаромъ Медвѣдевъ былъ поэтомъ, говоритъ Берхъ, передавая его сказаніе.

доволенъ сдѣланною имъ перемѣною жительства: „аще бы единъ изъять былъ страхъ военный,¹⁾ то со трудностію бы ко благоутишію покоя кому обрѣтати такое мѣсто, за еже Бога, благихъ подателя, благодарю“,—прибавляетъ онъ къ своимъ панегирикамъ мѣстности, которая, впрочемъ, не долго удовлетворила его. Медвѣдеву хочется быть подалше отъ людей: „Послахомъ къ твоей пречестности братію нашу, пишетъ онъ къ настоятелю Словенской пустыни, Досиею, — вина же посланія нашего сія есть: хотяще мы устранимся міра и его молвы, прибыли въ пустынь (въ подлинникѣ не обозначено какую, но, конечно, Молченскую), въ ней же не обрѣли желаемого, зане множество человекъ начаша къ намъ приходити. Слышавше же о Словенской пустыни, еже отъ людей устраниена, хотяще ю видѣти, въ то мѣсто послахомъ сихъ братію нашу. Молимъ твою пречестность, для любви къ намъ неизреченнаго Господа нашего Іисуса Христа, иже заповѣдалъ намъ: да любите другъ друга, яви къ намъ отеческую твою любовь, и аще оное мѣсто отъ людей устраниено, приходящихъ къ нему не изгоняй и хотящихъ насъ во оное мѣсто прибыти не возпререкуй намъ и благоволи нѣколикое время ради лучшаго познанія въ ней прожити“. Какъ бы то ни было, по съ 1672 года начинается уже монастырская жизнь Медвѣдева. Свѣдѣнія о первыхъ годахъ этой жизни мы получаемъ исключительно изъ его писемъ, относящихся къ 72, 73, 75, 76, 77, 78 и 82 годамъ. Эти письма представляютъ собою любопытный матеріалъ для біографіи Сильвестра: по нимъ можно судить объ его образованности, вынесенной имъ изъ стѣнъ школы, объ его отношеніяхъ къ различнымъ лицамъ, о томъ положеніи, которое онъ занималъ въ монастырѣ, о нѣкоторыхъ его симпатіяхъ. Къ сожалѣнію только, слишкомъ немного этого матеріала: за нѣкоторые годы (74, 79, 80, 81) до насъ не дошло ни одного письма Медвѣдева, за 82-й годъ мы имѣемъ одно. Кромѣ того, на двухъ письмахъ не обо-

1) Въ это время на Малороссію надвигалась гроза со стороны Турціи: Магомель IV, признаваемый Дорзженкомъ, вступилъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, съ намѣреніемъ утвердить свою власть и въ Польшѣ, гдѣ царствовало всеобщее безначаліе, по случаю отреченія Яна Казимира отъ престола, и въ Малороссіи.

значено времени ихъ отправленія къ адресатамъ. Писемъ Сильвестра въ печати не появлялось. Насколько намъ извѣстно, кромѣ Ундольскаго, приведеннаго изъ нихъ въ своей статьѣ три небольшія цитаты, письмами этими не пользовался ни одинъ ученый, касавшійся по какому бы то ни было случаю личности Медвѣдева. Мы рѣшаемся, поэтому, подробно разсмотрѣть „эпистоліи“ Медвѣдева, выяснитъ по нимъ, насколько то будетъ возможно, нѣкоторыя стороны въ жизни и характерѣ „грѣшпаго Сенки“, какимъ названіемъ онъ самъ себя чувствуетъ перѣдко. Мы сочли за лучшее, при изложеніи писемъ, изъ которыхъ будутъ цитованы только наиболѣе характерныя мѣста, держаться порядка хронологическаго.

Немедленно по своемъ прибытіи въ Путивльскую Молченскую Софроньеву пустыню, ¹⁾ Медвѣдевъ извѣщаетъ о себѣ своего наставника, любезнѣйшаго, милостиваго отца и благотворителя, отца Симеона. Письмо свидѣтельствуетъ объ искреннемъ уваженіи и глубокой привязанности ученика къ учителю: „молю, ради того Божественнаго промысла, иже мене твоей святости вручи и преискреннюю твою любовь огнемъ благодати своея возже, не опусти мя, да съ нимъ твоя пречестности разстояніемъ отсутствующимъ изъ любви твоя пречестности, *такжежде и ко Богу не иначе*, но якоже въ перазстояніи мѣсть созерцаю мя имѣлъ еси, и чрезъ писаніе о твоёмъ пребываніи мнѣ желаемаго извѣщенія не лиши мя, — не лиши мя и благоговѣйнаго моленія. Чрезъ сіе писаніе, создано мнѣ отъ Господа ко твоему преподобію, *сердечною любовію* мысленнѣ къ земли до стопъ честныхъ твоихъ ногъ поклоненіе мое всемирное сотворяю“. Какое высокое понятіе имѣлъ Медвѣдевъ о нравственности своего руководителя объ его духовной опытности: „Не опусти мя“, ишетъ опъ, т. е. не оставь своими совѣтами, чтобы далекое разстояніе, въ которомъ я нахожусь отъ тебя, не имѣло результатомъ моего удаленія отъ Бога; „не лиши мя извѣщенія“, т. е. сообщай мнѣ о себѣ почаще: твоя поддержка для меня необходима: молись о мнѣ, чтобы

¹⁾ Названіе Молченская пустынь заимствована отъ находящейся въ ней чудотворной иконы Божіей Матери, явившейся на болотѣ Молчѣ.

твоя благоговѣйная молитва подкрѣпила любящаго тебя *сердечною любовію* ученика. На письмѣ помѣчено мѣсяца марта, (день не обозначенъ), 1672 г.—3-го апрѣля того-же года Медвѣдевъ отъ имени братіи Путивильской обители отправляетъ два посланія къ ея благодѣтелямъ—Митрополиту Сарскому и Подопскому Павлу и милостивѣйшему отцу и кормителю Евѣимію. Какъ человѣку опытному, какъ „витіи многовѣщанному“, Медвѣдеву поручено было вести переписку съ нужными монастырю лицами: составить ли благодарственное, по своему тону похожее на акаѣистъ, письмо, сочинить ли какую—либо умиленную просьбу—кто могъ изъ скромныхъ иноковъ лучше Сильвестра? И послѣдній оказался вполне достойнымъ возложенной на него обязанности: пышными цвѣтами своего оригинальнаго краснорѣчія онъ облакалъ просьбы о матеріальномъ вспоможеніи, благодаря чему не мало скрадывалась ихъ пеловкость. Различныя благожеланія, хвалебныя причитанія, хитрыя фразы, все это очень искусно переплетено съ прозрачными намеками на бѣдность монастыря, требующую значительныхъ пожертвованій. „Великое великому Богу за Юго великое намъ въ нищетѣ пребывающимъ чрезъ твое святительство присно въ потребахъ нашихъ являемое, и нынѣ ко отцу нашему и тщательному насъ во Христѣ Іисусѣ *собравшему кормителю Сафронію*, явленное человѣколюбіе, милость и заступленіе, благодареніе возсылахомъ, и возсылаемъ, и возсылати должны есмы“, пишетъ Медвѣдевъ „премилостивѣйшему нищетѣ помощнику.—Митрополиту: ¹⁾ купножь желасмъ, да исходайтаеть ты и подасть Пресвятая Дѣва многа лѣта, подвижно съ преспѣваніемъ въ добродѣтеляхъ отъ силы въ силу поступаая, образъ прочіимъ въ назиданіе бывая пожити, въ

¹⁾ Митрон. Павелъ вступилъ на престолъ епархіи сарской и подонской изъ архимандритовъ чудовскихъ въ 1664 г. Вѣроятно, онъ былъ изъ воспитанниковъ чудовской патриаршеской школы, которую знаменитый путешественникъ Адамъ Олеаріусъ видѣлъ въ 1639 году подъ управленіемъ грека Арсенія. Извѣстное ртищевское братство, ознаменовавшее свою дѣятельность изумительными учеными трудами, въ Митрополитѣ Павлѣ, котораго призвательные ученые сравнивали съ Птоломеевъ Филадельфомъ, имѣло крѣзкаго заступника и покровителя. Истор. Слов. 512 стр., обз. Филар. подъ № 222; въ соч. В. М. Ундольскаго есть опись бібліотеки митрополита.

часть же смерти обрѣсти отъ всихъ мытарскихъ страшилищъ хранители отъ Бога посланныя мирны и веселы. Чесого твоему святительству, за молитвами Пресвятыя Богоматере, отъ Бога намъ нищимъ и недостойно нарицающимъ монахомъ на наше отъ бѣдъ храненіе и недостатковъ вспоможеніе даннаго, сердечно улушити желая: особому благодѣтелю и помощнику припадше къ стопамъ святыхъ твоихъ ногъ со слезами, за твое къ намъ нищимъ великое являемое милосердіе, благодареніе восписуемъ, и твое премилостивѣйшаго отца нашего и пастыря великое святительство молимъ: не отверзи насъ отъ лица твоего милосердія и заступленія и вспоможенія, но якожь являлъ еси и являеши, не остави являти, и насъ нищихъ отечески призирати и снабдѣвати и во грядущее время“. Въ такомъ же тонѣ написано письмо и къ монаху Евѳимію, ¹⁾ бывшему „въ приключаящихся потребахъ и обители отъ ненавистныхъ навѣтовъ сердечно тщаливымъ въ заступленіе и недостатковъ нужды отъ дарованнаго Богомъ имѣнія во исполненіе“: „Благодаря благодаримъ великодаровитую божественную благодать, яже благоволи намъ нищимъ твое преподобіе на укрѣпленіе нашего во Христѣ Исусѣ собраннаго искупно уединеннаго пребыванія даровати. Воистину не усумнѣваемся о твоёмъ преподобіи рещи, яко тѣломъ твоего преподобія точію въ царствующемъ градѣ обитаеши, духомъ же выну купно съ нами убогими въ дому Пресвятыя Богородицы; ибо выщее твое сокровище прилежнаго строенія, храненія и подаянія, и богатаго щедродарованія выну воспримше, не индѣ гдѣ признаваемъ быти, но въ семъ дому Божіе Матере, а идѣже сокровище ваше; (по словесе Спасителеву), тутъ чистое и сердце ваше. Но твое сокровище выну съ нами нищими здѣ въ дому небесныя и всемірныя царицы; убо твоего преподобія и сердце присно съ нами нищими обитаетъ. За предстательствомъ помощницы нашея благодать Божія намъ нищимъ твое преподобіе на вспомо-

¹⁾ Иеромонахъ Чудова монастыря Евѳимій, справщикъ книгъ при типографіи, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ ртищевского братства, ближайшій ученикъ и послѣдователь Евѳимія Славинецкаго, впоследствии сдѣлался едва ли не ревностнѣйшимъ противникомъ Медвѣдева. См. слов. Истор. т. I. 171 стр.; Обзоръ дух. мит. Филарета похъ № 247; 2 т. Опис. слав. рпц. Сян. Б.—ки.

женіе тако привлече, якожь отъ нея дѣйствомъ дѣйствуетъ небесная дуга, воду взимаетъ и землю наполяетъ,—и оное дарованіе, отъ Богоматере намъ нищимъ данное, имѣемъ мы яко велій Божій даръ, и твоему преподобію желаемъ при спасеніи здравія, благополучія, многолѣтствія и пребогатаго блаженной душѣ твоей отъ тѣлесе по разрѣшеніи отъ пребогатаго Бога у престола Его пресвѣтлыя славы за твое намъ нищимъ богатое щедродарованіе вѣчныя небесныя мзды воздарованія“. Послѣ обстоятельнаго панегирика Евѣимію, вслѣдъ за всевозможными вычурными сравненіями, подобными приведенному сравненію Евѣимія съ небесною дугою, и различными пожеланіями, слѣдуетъ, наконецъ, убѣдительная просьба ради которой въ сущности, и составлено это витіеватое письмо, о томъ, чтобы благодѣтель „дому Божія Матере“, простеръ вѣтрило желанія своего“ на вспомошествованіе бѣдной до нищенства братіи. ¹⁾ Черезъ мѣсяць по отправленіи въ Москву этого, очень искусно и съ большимъ тактомъ написаннаго, посланія, Медвѣдеву, 3-го мая, снова пришлось корреспондировать „пречестному господину“, отцу Евѣимію, и коснуться въ своей „эпистоліи“ обстоятельства, довольно щекотливаго, о которомъ не совѣмъ то „удобъ было рещи“. Кратко извѣщая объ этомъ событіи архимандрита Чудовскаго монастыря, Іоакима, (впослѣдствіи патріарха всероссійскаго), ²⁾ іеромонахи Серапіонъ и Θεодосій прибавляютъ къ своему сообщенію такого рода *post scriptum*: „пространнѣе о семъ изъявлено будетъ ко отцу Евѣимію“. Приступить прямо къ дѣлу—не въ привычкѣ у Медвѣдева: „въ первыхъ строкахъ своего письма“ онъ счелъ, по обыкновенію, необходимымъ наговорить не малое количество общихъ схоластическихъ мѣстъ про „свѣтолитныя Божія неизреченнаго милосердія лучи“, про „невечерній свѣтъ Еширійскаго свѣта въ пре-

1) Ср. письмо Медвѣдева отъ 14 мая 1672 г. къ милосивому благодѣтелю Петру Васильевичу (не одному изъ Шереметевыхъ, о которыхъ упоминаютъ въ своихъ запискахъ о сибѣцкомъ бунтѣ и самъ Медвѣдевъ, (51 стр. по изд. Сахарова), и Матвѣевъ (6): вѣдъ Сильвестръ имѣлъ знакомыхъ въ средѣ аристократіи)?

2) Свѣд. о патр. Іоакимѣ см. въ соч. свящ. П. Смирнова: „Іоакимъ, патр. Московскій“.

свѣтлой, прекрасной и всѣхъ увеселяющей царской палатѣ“, и т. п. чудеса. Только послѣ этого приступа и счелъ онъ возможнымъ начать свой разсказъ о монастырской „злѣбѣ дня“. Рѣчь идетъ про игумена Романа, который, какъ видно, былъ веселаго нрава, и до „виннаго питія“ охотникъ. Такое поведеніе настоятеля монастыря сильно озабочиваетъ Медвѣдева: онъ высказываетъ свои опасенія, какъ бы оно не имѣло результатомъ своимъ конечную скудость и запустѣніе обители.—Кромѣ указанныхъ, довольно обширныхъ по своему содержанію записокъ Медвѣдева, отправленныхъ на имя Полоцкаго, перѣдко исполнявшаго для своего воспитанника различныя порученія, — съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ вруčiti „писанійца“ тѣмъ самимъ лицамъ, „имъ же ко отданію належать“:—нѣкому Димитрію Ивановичу, съ описаніемъ Путивльскаго монастыря, честному іеромонаху Іонѣ Провичу, отцу и благодѣтелю, у котораго грѣшнѣйшій Сенка требуетъ благословенія и молитвъ и которому челомъ бьетъ, по его всегдашнему желанію, „въ ношку“, пречестному отцу и господину Іосифу, бывшему новоспасскому архимандриту, жившему на Прервѣ, ¹⁾ съ выраженіемъ извиненія: „Отче Іосіое! Ради любви Христовы остави мнѣ и прости мое предъ тобою преступленіе, еже отъ твоея пречестности не улучивъ подобающаго прощенія во отсутствіе вдахся; во истину оное содѣяся забвеніемъ“. 25 декабря 1673 года Медвѣдевъ отправляетъ въ Москву различнымъ своимъ знакомымъ цѣлую массу весьма интересныхъ „грамотокъ“: „возсылаетъ благодарственная“ Полоцкому за то, что тотъ сподобилъ „грѣшнаго Симеона Медвѣдева“ „извѣства чрезъ писаніе о своемъ пребываніи воспріяти“, и молить „присно промышляющаго о всѣхъ“ подкрѣпить „живущее здравіе“ учителя „на общую православнымъ пользу“, просить своего усерднаго „отца и благодѣтеля“ не лишитъ о себѣ „частаго извѣствованія“ глубоко преданнаго ему ученика. При семъ моемъ желаніи къ тебѣ, пречестный господине, со отцомъ Сафроніемъ посылаю кадочку малую меда, сотами исполненную, благоволи пріяти, и мене съ братомъ

1) Имя этого архимандрита не одинъ разъ упоминается въ изданной Ундольскимъ описи библиотеки Павла, Митрополита Сарскаго, и книгъ съ имуществомъ Епископа Славинецкаго.

(Борисомъ?) во святыхъ твоихъ ко Богу молитвамъ не оставлять“. При этомъ Медвѣдевъ даетъ Полоцкому нѣкоторыя порученія: „Благоволи ко мнѣ, Господине, со отцомъ Софроніемъ прислати сѣмень огородныхъ, какіе у тебе суть, съ подписаніемъ прозванія тѣхъ, ¹⁾ и листы мои печатные, и библию Польскую, также и книжки, естли Андрей Виніюса ²⁾ тебѣ вручилъ, о которыхъ я ему билъ челомъ“; проситъ его сдѣлать даже одну коммерческую операцію: „А про кафтанъ мой обяренный продати, сказать Ивану Ивановичю Гуменцу: возьметъ ли онъ себѣ или не возьметъ... Сукна чернаго, добраго русскаго, которое потоне, отцу Борису на кафтанъ 15, или и слишкомъ, а чтобъ было самородное, а не черное“. Признательный за то внимательное участіе, которое Полоцкій принималъ всегда въ его нуждахъ, Медвѣдевъ шлетъ ему, въ качествѣ подарка, сукна чернаго, кievскаго, нужно полагать, довольно „изряднаго“, такъ какъ за каждый аршинъ его было заплачено по 2 алтына и 1 деньгѣ, (цѣна по тому времени значительная).—За письмомъ къ Полоцкому, слѣдуютъ коротенькія записки, полныя различныхъ просьбъ,—къ отцу Евѣимію: „Пречестный господине, отче Евѣиміе! молю твою святую, сотвори—ми милость, благоволи у Тимоѣя Дементьяновича Литвинова двѣ книги мои на Польскомъ языкѣ, Аристотелевы, взяти и ко мнѣ со отцомъ Софроніемъ прислати, мнѣ надобны; а его у мене книги суть, чтобъ за то не прогнѣвался, но естли дастъ Богъ, возвращу ему. Грѣшный Сенька Медвѣдевъ челомъ бьетъ“; къ самому Тимоѣю Дементьяновичу: „Молю твою любовь, государь мой, для имене Господне сотвори милость: двѣ книги Аристотелевы на Польскомъ языкѣ благоволи отдати отцу Евѣимію, и онъ ихъ до мене пришлетъ — *миѣ нынѣ*

1) Садоводство было любимымъ занятіемъ Медвѣдева: „Василій Ершовичъ, естли тебѣ возможно, промысли сѣмень маерановаго, размариноваго и иныхъ хорошихъ по малу,—подписавъ на нихъ, отдай Дмитрію Ивановичю, а онъ мнѣ сошлетъ. Иванъ Ивановичъ, пожалуй, пришли ко мнѣ, естли имѣешь сѣмень по немногу маерановаго и шалвейнаго, и иныхъ, которыхъ ты самъ знаешь“,—пишетъ онъ въ этотъ же разъ своимъ Московскимъ знакомымъ.

2) Дьякъ посольскаго приказа, игравшій впоследствии немаловажную роль въ дѣлѣ о портретѣ Софіи Алексѣевны.

для нѣкоей вещи потребны: 1) а твои книги, которые у мене суть, естли живъ буду, возвращу"; къ Дмитрію Ивановичу: „Василія Великаго печатную книгу пришли ко мнѣ со отцомъ Сафропиемъ; а Іосифъ, естли похочеть, чтобъ ѣхалъ къ намъ строителемъ“; 2) къ „малеру“ Андрею Обакумовичу: „во Христѣ Іисусѣ здравствуй. Много званыхъ, да мало избранныхъ, много обѣщающихъ, да мало послѣдствующихъ. Потщимся даннаго намъ времени Христу на послѣдствованіе не погубити егожъ ради тя молю, естли благоволятъ, изволь къ намъ ѣхать со отцомъ строителемъ Софропиемъ, — и подвода готова, а я ему о тебѣ билъ челомъ, и краски съ собою взяти, ибо есть въ церквѣ дѣло, а о томъ дѣлѣ скажетъ тебѣ строитель и отецъ Евѡимій, что въ Чюдовѣ монастырѣ, а мѣсто здѣ зѣло изрядно, самъ, естли Богъ изволятъ быть, увидишь“. Къ Евсеію Пахомовичу: „за твою ко мнѣ христіанскую любовь и за присланіе фонарей Богъ, по богатству святяя своея къ намъ милости, да воздастъ тебѣ богато, толко дивно мнѣ, для чесо такъ убытокъ себѣ“; къ Митрофану Петровичу о высылкѣ „винаго зелья“. 3) На всѣхъ разобранныхъ нами доселѣ письмахъ стоитъ имя Сенки Медвѣдева, — на всѣхъ послѣдующихъ, начиная съ 3-го мая 1675 года, вмѣсто Симсона, Сенки, подписывается уже „недостойный монахъ“ Сильвестръ Медвѣдевъ. Къ сожалѣнію, отъ 74 и начала 75 годовъ не сохранилось корреспонденціи Сильвестра, (если не относится

1) Сильвестру понадобилась книга Аристотеля и Вас. В., вѣроятно, для описанія ихъ въ „Оглавленіи книгъ“.

2) Ужъ не на мѣсто ли Романа, который не внималъ никакимъ увѣщательнымъ эпистолямъ, „вмѣшалъ эти грамотки ни во что“, а на заявленное ему желаніе, чтобъ онъ разлучился съ казначеемъ, прямо отвѣчалъ, что этого никогда не будетъ, такъ какъ они „едниъ единому предъ Богомъ сотворили обѣщаніе: естли кто изъ нихъ будетъ въ чести, то тому другого никогда не оставлять“?

3) Очевидно, на Медвѣдева возложили въ монастырѣ веденіе экономической части: иначе зачѣмъ бы — онъ сталъ переписываться съ различными малярами и винными заводчиками? Быть можетъ, это обстоятельство и заставило его желать перехода въ другую обитель: мы хотѣли, писалъ Медвѣдевъ къ игумену Досіею, устранился міра и его молвы, но не сбръли здѣсь (въ Путивльскомъ монастырѣ) желаемого, за немножество человекъ начаша къ намъ приходить (вѣроятно, по дѣламъ хозяйственнымъ). На письмѣ этомъ, помѣченномъ 3 числомъ апрѣля, годъ не обозначень.

къ этому времени письмо къ Досиѣею),—и мы не имѣемъ никакой возможности безошибочно обозначить мѣсто и время его постриженія: въ Словенской ли пустыни совершилось принятіе Медвѣдевымъ монашества, или же въ Путивльской, ¹⁾ въ 74 ли году, или же въ 75—неизвѣстно. Въ маѣ 183 г. (1675) Сильвестръ въ письмѣ нѣкоего Исидора Сиверцева, одного изъ Курскихъ жителей, къ нѣкому Іоанну Дмитріевичу дѣлаетъ такое добавленіе, „положенное въ грамотку на особой бумажкѣ“. „Черный одѣваніемъ, черный отъ грѣхъ и душею, чернымъ и черниломъ, ко бѣлому одѣваніемъ и ко убѣленному отъ Духа Святаго и сердцу, и на бѣлой сей хартіи сице назнаменуетъ: Сугубый сугубому отъ сугубаго естествомъ Христа Иисуса Божія предвѣчнаго Сына сугубаго здравія, душевнаго и тѣлеснаго, сугубаго благополучнаго пребыванія временнаго и вѣчнаго, сугубыя радости, сугубаго веселія, усердствуетъ тощѣ улучити. — Таже отъ любомудрствованія въ Царѣхъ преславнаго хитростію Соломона возощренъ бывъ словомъ, еже подобный о подобномъ радуется,—подобному о подобномъ ради приобрѣтенія отъ подобнаго радость изъявляю. ²⁾ Добрый твой другъ, Исидоръ Михайловичъ, изрицаеть о тебѣ таковая словеса, яковая глагола златоглавый Іоаннъ о своемъ друзѣ, Василии Селевкійствѣмъ, ихъ же изъявляетъ той въ книжѣ своей о священствѣ, тоя книги въ началѣ первыя главы (приводится выдержка изъ книги Златоустаго о священствѣ). Твоей любви всякаго добра усердствующій, недостойный Иисусъ Христовыхъ рабовъ нарицатися рабъ, многогрѣшный монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ низайшее препосылаетъ поклоненіе“. 8-го августа того же года Медвѣдевъ шлетъ замѣчательное похвальное слово правителю южнаго края князю Григорію Григоріевичу (Ромодановскому), ³⁾ слово, обличающее въ своемъ составителѣ чловѣка далеко не дюжиннаго, съ прекраснымъ по тому време-

¹⁾ О. Образцовъ смѣло утверждаетъ, что въ Путивльской. Эпоха, янв. 1865 г.

²⁾ Въ Медвѣдевѣ въ данномъ случаѣ сказался достойный ученикъ Полоцкаго, у котораго въ Великороссіи не было въ его время соперниковъ по части составленія риторическихъ фигуръ и софистическихъ оборотовъ.

³⁾ О немъ упоминають записки Медвѣдева—13 стр., Желябуж. 1, Крекшина 33, Матв. 6 (по изд. Сахарова).

ни образованіемъ, и въ писательствѣ опытнаго: оно написано по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства—съ неизбѣжнымъ приступомъ (exordium), парраціей и конклюдіей. „Милосердый мой Государь, великій благодѣтель, бояринъ, Князь Григорій Григоріевичъ! Единому сей міръ сотворшему и присно и премудростнымъ благодати своея правительствомъ строящему и по предвѣчному своему божественному предвѣднію въ подобное время на земли чрезъ своихъ помазанниковъ поставляющему достойныхъ правителей, всехитрому Богу, иже и днесъ чрезъ своего помазанника, великаго нашего Царя и Государя милосерднѣйшаго, по своей божественной ко всей нашей странѣ милости, благоволилъ намъ даровати и тебе достойнаго правителя и отъ противныхъ находеній добраго и недреманнаго блюстителя, за таковое Его къ намъ велие милосердіе да будетъ выну отъ всѣхъ честь и слава въ нескончаемыя вѣки вѣковъ. Его же всехитростную премилосердную Божию къ намъ челоуѣколюбную благодать азъ нищій, недостойный Его рабовъ нарицатися рабъ, молю, да даруетъ твоему благородію здравіе всецѣлое, благаго благородія вашего ума по шествию радостное совершеніе. И кто отъ имѣющихъ цѣль смыслъ твоему бы благородію сего бы не пожелалъ, развѣ той, иже общему народному добру и всему благочестію есть врагъ? (Приступъ, за которымъ слѣдуетъ развитіе главной мысли): По знаменитому тебѣ Божию дарованію твое благородіе на противныхъ въ храбрости и дивномъ побѣжденіи во всемъ народѣ знаменять еси, и себе самаго разсуждая познаваеши, и вси четыре вина филофскіе,¹⁾ въ челоуѣцѣ являемыя, выну созерцаемъ. Первую *вину творящую*, которая челоуѣка сотворила, а та вина есть Богъ; вторую *вину—существо*, изъ него же кая либо вещь стается, а тая вина существа въ челоуѣцѣ есть тѣло, изъ него же челоуѣкъ сложенный; тре-

1) Медвѣдевъ этими четырьмя философскими винами пользовался у Аристотеля, тогдашняго авторитета въ риторикѣ, физикѣ и философіи: Аристотель, какъ извѣстно, признавалъ перваго двигателя—Божество. Самъ—неподвижная дѣйствительность, оно есть первоначальная причина движенія вещества (вина, изъ нея же кая либо вещь стается),—и, будучи формою всѣхъ формъ, даетъ челоуѣку высшую форму—мышленіе (вину образующую); а всякая форма конечную цѣль свою имѣетъ осуществленіе во вселенной.

тію *вину образующую*, яже даетъ естество всякой вещи, сицевая вина образующая въ человѣцѣ есть душа разумная, зане безъ души разумной не можемъ человѣка познати и опредѣлити. Четвертую и *остаточную вину или конечную*, еяже для каковая либо вещь стается, таковая вина о человѣцѣ конечная есть сія, зане сего ради Богъ сотворилъ человѣка,—во еже бы ошъ, живуще на земли, хвалилъ Бога, яко второй ангелъ, и потомъ возмогъ бы съ Богомъ въ небѣ жити и Его на вѣки со ангелы хвалити. Знающе же твое благородіе, яко человѣкъ еси, *отъ кою, изъ чего, чѣмъ и для чего* сотворенный и того ради незабвенно имѣеши и се, яко и *боляринъ еси* и яко *воевода* и яко *христіанинъ еси*: тѣмъ же усердно о общемъ народномъ добрѣ промышляюще, *бользнуеши яко боляринъ*, и врученное тебѣ *воинство управляеши яко воевода*, и, подручнымъ тебѣ образъ добродѣтелей давая собою, *жительствоуеши, яко христіанинъ*. И вси ясно познавають, яко твое благородіе вси четыре начальнѣйшіе христіанскіе добродѣтели на славу и разширеніе Божія имене во кровѣ своемъ соблюдаютъ: *правда правитъ тебе чловѣка, цѣломудріе хранитъ твое болярство, мудрость научаетъ твое воеводство, мужество укрѣпляетъ въ тебѣ христіанство*, во еже бы твоему благородію, яко колесницѣ Божіей, отъ нихъ четырехъ главныхъ добродѣтелей правилу право, и непреткновенно теши, и, сей временный путь претекше, улучшить въ кончинѣ конечную философскую вину, дабы твоему благородію вѣчно въ небѣ съ Богомъ жити и Его присно со Ангелы хвалити: о, Христе Иисусе, даждь тебѣ то улучшить и мене незабвенно въ милости отеческой всегда имѣти!“ Отъ 1676 года дошло до насъ 4 письма Сильвестровыхъ, изъ которыхъ первое (отъ 12 января) адресовано великимъ благодѣтелямъ Василию Григоріевичу и Агаѣѣ Потапѣевнѣ. Оно содержитъ въ себѣ утѣшеніе, обращенное къ названнымъ лицамъ, въ глубокой скорби ихъ по поводу испытанной ими потери любезнаго сына, Іоанна Васильевича. Письмо написано, вопреки обычаю, безъ малѣйшихъ схоластическихъ замашекъ, проникнуто глубокимъ участіемъ къ несчастнымъ супругамъ, и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о добромъ сердцѣ Медвѣдева: чувствуется, что слова его—не простыя фразы, говоримыя,

обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ изъ приличія,—въ нихъ слышится искреннее духовное соболъзнованіе и глубокая вѣра въ Божественный промыслъ: письмо Медвѣдева—это прекрасная, прочувствованная, истинно христіанская проповѣдь. „Милосердый мой Государь, великій благодѣтель, Василій Григоріевичъ, и Государыня моя, милостивая мать, Агаѳія Потапівна!—Богъ премудрый и присносущный премудростнымъ благодати Своея дѣйствиємъ вся творить, еже творить, въ наше о грѣсѣхъ исправленіе и спасеніе. Убо вѣмъ, яко Онъ, хотяи намъ и промыслиаяи вѣмъ спастися, но своей къ вамъ отеческой милости, благоволияи вамъ скорбь велию сотворити, и любезнаго вамъ вашего сына Іоанна Васильевича отъ сея, бѣды и напастей, скорбей же печали и зависти исполненной, тлѣнной и маловременной жизни преселити во яну жизнь нѣкую и присносущную, некончаемую же и никогда не измѣняемую, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, ниже зависти, но любовь совершенная, радость непрестанная, здравіе цѣлое, веселіе всеутѣшное, не иного чесого для, но вашего спасенія, ибо скорбь есть руководитель къ Богу. Того ради подобаетъ вамъ вся со благодареніемъ претерпѣвати: любезный Христовъ другъ, Іоаннъ Богословъ, во откровеніи рекъ: Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота. Вспомяните вы о Іовѣ праведномъ, его же самъ Богъ праведный праведнымъ нарицаеть: что ему случися? Колико имѣлъ сыновъ и дочерей, коликое богатство,—и что ему, съ доущенія Божія, на лучшее его ему спасеніе прилучилося? Аще праведному такое бысть приключеніе, како же мы, повинные грѣхомъ, не имамы здѣ скорбнаго ради нашего спасенія терпѣти? Аще же скорбнаго не имамы благодарно терпѣти, то страхъ есть, дабы намъ въ страшныя, вѣчныя геенскія скорби не впасти, отъ нихъ же да избавитъ насъ милостивый нашъ Христосъ Богъ! Но и се къ тому вспомяните, какъ мы словомъ къ Господеви Богу въ молитвѣ глаголемъ: Господи, спаси насъ, ими же вѣси судьбами,—и Господь Богъ, по нашему къ Нему прошенію, начнетъ намъ на наше спасеніе нѣчто скорбнаго поущати, и мы наки молимъ Его: Господи! Умилосердися, отъ сего мене избави,—Онъ инообразнѣ намъ скорбь поущаетъ; и мы Его благаго и тогда молимъ: Господи! и отъ

сего избави, — и тако словомъ молимъ: Господи, спаси, ими же вѣси судьбами. А что Богъ на наше спасеніе намъ попускаетъ, и мы отъ того ничтоже хотимъ претерпѣвати и хотимъ безъ скорбей снастися, а то есть невозможно: зане Христовъ вѣрній рабъ Апостоль Павелъ рече: многими скорбми подобаетъ намъ въ царствіе Божіе внити. О Милосердый нашъ Боже! даждь вамъ здѣ по воли Его святѣй жити и царство небесное уллучити, чесого вамъ усердно обрѣсти желая, Господу Богу васъ въ сохраненіе предаваю“. Къ сожалѣнію, Медвѣдевъ слѣпцомъ рѣдко выдалъ въ этотъ искренній тонъ: слѣдующее письмо его отъ 23 августа, изъ Курскія Пресвятыя Богородицы пустыни, къ сыну Григорія Григоріевича Ромодановскаго, Михаилу Григорьевичу, написано уже обыкновеннымъ схоластическимъ пошибомъ, но зато въ немъ ясно видна данная Сильвестру школою ученость. Вотъ какимъ, наприм., мудренымъ и длиннымъ обращеніемъ оно начинается: „Истинно усердствующій Господу Богу, ниже рабски, ниже насмически, но сыновнѣ всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ служити: сугубо благородный рода лишею и христіанскаго благочестія исполненіемъ, по рождемъ ты вожде началниче, а мнѣ присный истинный благодѣтелю, Князь Михаилъ Григоріевичъ!“ Слѣдуетъ затѣйливое разсужденіе въ стилѣ древнихъ хрій: „Вся предвѣдственнымъ и весьма всемудрымъ благости своея помышленіемъ благоволивый міръ сей окормляти и подобныхъ челоувѣкъ въ подобныя времена въ немъ подвизати. нѣкимъ же отъ нихъ, во знаменіе Своея къ нимъ Божественныя благодати, прообразующая отъ нихъ хотящая быти дѣйства и имена имъ полагати, Той и нынѣ въ подобныя времена подобныхъ въ міръ воздвизаетъ, и нѣкимъ хотящая ими міру явити данными имъ имени изобразуетъ... Богъ, даровавый твоему благородію таковое имя, даруетъ ти Турка дивнаго своею божественною всемогущею силою побѣдити,—яко же даровалъ началнѣйшему того имени пріемнику, Архистратигу Михаилу, невидимаго его Божія противника, Люцифера, побѣдити“. Сильвестръ, какъ видно, имѣлъ богатые познанія въ Священномъ писаніи: пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ цитуетъ не мало изреченій Богодухновенныхъ мужей. „Зряще крѣпкія Божія непобѣдимыя десницы твоимъ благородіемъ

сицевое о Туркѣ дѣяніе, вси языцы да възглаголють, яко же глаголетъ *Исаія въ главѣ 14*: се человекъ, иже устрашай всю землю, потрясая царствы, порѣвая вселенную всю, разсыпая грады и плѣнныхъ не разрѣшая: *Матѹ. 11*: вознесыйся до неба до ада низшелъ естъ; *Псал. 9*: и память его погиге съ шумомъ“; мы же „поемъ Господеву славно бо прославися“. Медвѣдевъ толкуеть далѣе имя Михаила и показываеть при этомъ толкованіи свое близкое знакомство съ исторіей: „Первый того имени Михаилъ, разумѣется, Богъ съ нами или мы при Бозѣ, *пріялъ* сицевое имя *по дѣйствѣ*; *твою же благородію побѣдливый міра Христосъ Спаситель да даруетъ по имени дѣйство*, и якоже той небесный у небеснаго царя обрѣте благодать, славу, честь и величество, якоже оная вся обрѣтоша: *Иосифъ у Фараона правдолюбца, Исусъ Навинъ у Моисея, Ефестіонъ у великаго Александра, Серамъ у Трояна, Евтропій у Аркадія, Белизарій у Юстиніана*: такожде и тебѣ отъ Божія намъ дара, великаго Государя Феодора Алексѣевича, обрѣсти сицевыя же дарованія, развѣ всякихъ противностей“. Письмо своего „всеусердствующаго всякаго блага временнаго и вѣчнаго, недостойнаго богомольца, монаха негоднаго, грѣшника Сильвестра Медвѣдева“ „ясновельможный“ Михаилъ Григорьевичъ скоро удостоилъ милостиваго отвѣта, вполнѣ удовлетворившаго Медвѣдева: послѣдній спѣшить, страшась по собственному его выраженію, „уподобиться нивѣ, воспріятаго сѣмени не воздающей богатоовощными класами“, немедленно же воздать „должное благодарствіе“, и, — „не имый лѣпотствующаго благоумію благодѣтелей дѣлеса возобновляти възблагодаренія“, высказываетъ искреннія пожеланія „сугубыхъ, яко тѣлесныхъ временныхъ, сице и душевныхъ вѣчныхъ благополученій радостнаго благосчастія и многихъ, многихъ лѣтъ“. Отправляя свое посланіе, Медвѣдевъ пользуется случаемъ замолвить словечко за другихъ: „милосердія твоего, государь мой, прошу, сказано въ той же „бумашкѣ“, буди милостивъ къ Федоту и къ Ивану“¹⁾. Письмо помѣчено 3 числомъ септемврія.—

1) Медвѣдевъ, какъ видно, никогда не упускалъ возможности ходатайствовать при случаѣ передъ „благодѣтелями“ за своихъ protégé: большинство его писемъ составлено по одному шаблону: въ началѣ—общія, высокопарнѣйшія мѣс-

Черезъ три недѣли съ половиною, 27 сентября, Сильвестръ отправляетъ „на Москву“ съ Михаиломъ Истоминымъ длиннѣйшее посланіе „въ божѣ пречестному господину, отцу Симеону, а мнѣ господину милостивѣйшему, отцу любезнѣйшему и благодѣтелю истинному“, составляющее, по нашему мнѣнію, драгоценнѣйшій документъ, даже въ томъ случаѣ, если допустить, что оно нечуждо нѣкотораго пристрастія, — для характеристики Полоцкаго, какъ человѣка вообще, какъ тогдашняго ученаго, какъ общественнаго дѣятеля, — и отношеній къ нему Медвѣдева, показывающее взглядъ послѣдняго на своего учителя. Письмо начинается высказаннымъ въ прехитро составленныхъ фразѣхъ заявленіемъ, что авторъ его усердно благодаритъ „всѣхъ благихъ виновнаго Бога, яко церковь свою святую и въ нынѣшнія позная вѣка времена не оставляетъ, но въ ея снабдѣніе избранныхъ своихъ возставляетъ и подобно тому, какъ возставилъ нѣкогда противъ Арія—Аванасія, противъ Македонія — Григорія Богослова, противъ Несторія Кирилла, противъ Ювипіона и Елвидія Геронима, противъ Манихеанъ и Пелагія Августина, противъ Римлянъ на Флоренскомъ соборѣ Марка Ефесскаго ¹⁾, въ Россіи противъ жидовствующихъ—Юсіфа Волоколамскаго, такъ и нынѣ „противъ возмутителей и терзателей цѣлости церковная и тая отступниковъ ²⁾“ благоволилъ

та, съ различными текстами и изреченіями,—затѣмъ похвалены рѣчи „милостивѣйшій“, и въ самомъ концѣ уже прибавленія въ родѣ только что приведеннаго. Нужно замѣтить, что подобныя же *post scriptum*—встрѣчаются и въ письмахъ Полоцкаго (см., напр., его письмо къ Ромодановскимъ отъ 186 г., гдѣ онъ проситъ милости къ сыну Протасія Низиорова думнаго дьяка) Сеодору.

¹⁾ Извѣстно, что на „Флоренскомъ соборѣ“ получило санкцію неправомерное мнѣніе, „якобы святая гайна Евхаристіи иресуществляется словесы токмо Христовыми: приимите, ядите, яко западный костель и папа новомудрствуетъ“ (Ост. 119 стр.). Не зналъ ли Медвѣдевъ этого обстоятельства, или же ему въ это время было еще чуждо заблужденіе Полоцкаго, высказанное въ извѣстномъ словѣ его, изданномъ около 1668 года, (напечатанномъ сперва отдѣльнымъ изданіемъ, затѣмъ въ „Вечерѣ душевной“), „въ немъ же словѣ (Симеонъ) глаголетъ словесемъ Господнимъ поклонятися, яко бы тѣми словесы Христосъ Богъ себя самого въ плещу отдаетъ“. Остенъ, 139 стр.),—очевидно только что относительно собора мнѣніе Сильвестра было тождественно съ мнѣніемъ патріарха Іоакима, называвшаго Флоренское соборище богоненавистнымъ и пренебрежковымъ (Ост. 110).

²⁾ Сильвестръ разумѣетъ, вѣроятно, вожаковъ раскола: „бесловца“ Никиту и „безумнаго злобника“ попъ Лазаря, съ которыми Полоцкія вель ожесточенную полемику.

даровать твое преподобіе... Съ веселіемъ речеть мать наша церковь о твоёмъ преподобіи, яко же о предваршихъ своихъ любезныхъ чадахъ, Діонисіи, Аѳанасіи, Григоріи Богословѣ, Кириллѣ, Геронимѣ, Василии Великомѣ, Іоаннѣ Златоустѣ и прочихъ, яко имамъ такое мнѣ любезное чадо, иже живетъ право и весьма стоитъ предъ лицомъ твоимъ, и не себѣ живетъ, но тебѣ и не своя слава ищетъ, но твоя". Если же даже святая церковь дастъ подобный отзывъ о твоёмъ преподобіи, „како азъ, негодный ея нарицатися сынъ, твоя-же пречестности отеческія любви и милости должникъ, слыша о цѣломъ твоего преподобія мнѣ желаемомъ здравіи, о немъ же мя видѣти удостоилъ еси, не имамъ радоватися и веселитися? И не точію же азъ единъ о твоей пречестности, отъ Бога на умноженіе его чести и славы избранномъ и матери нашей церкви на утѣшеніе дарованнѣмъ, радуюся и веселюся, но и весь православія сонмъ тѣшится и веселится... взирая на твое преподобіе, вѣчныя свѣтлости убѣленіемъ одаренное, и зеркаломъ непорочнаго Божія дѣланія подчтенное и образомъ благостыи его украшенное". Всѣ твои помыслы сосредоточены только на томъ, „что мать нашу церковь увеселяетъ, и ухищряющихъ цѣлость оныя терзати побѣждаетъ, вѣру благочестія умножаетъ и славу божественнаго имени разширяетъ: Весь вѣкъ житія твоего благоговѣнства свѣтлѣе лучъ солнечныхъ, и не обращетъ во всѣхъ часахъ сидева часа въ житія твоя пречестности, въ немъ же твое преподобіе православію какова дѣла нарочитаго и полезнаго церкви не содѣлало". Перечисляются затѣмъ литературные труды Полоцкаго, „со многими трудомъ сотворенные:“ Жезль правленія, Вѣнецъ вѣры, Обѣдъ душевный, Вечера душевная, значеніе которыхъ, по мнѣнію Сильвестра, едва ли не необъятно: они „вѣру укрѣпляютъ, надежду утверждаютъ, любовь восперяютъ, благоговѣнство возбуждаютъ, въ печали утѣшаютъ, усумнѣніе разрѣшаютъ, чистое отъ нечистаго отдѣляютъ, помощь къ благодѣланію содѣваютъ, отъ преступленія объята на святомъ крещеніи и отъ всякаго зла восхищаются научаютъ; тайныя къ побѣжденію нашему отъ главныхъ трехъ непріятелей вся ухищряемая хитрости явственныо показываютъ, и

тѣхъ на страженіе намъ удобное орудіе являютъ; и Богу работающимъ и скорбная терпящимъ мзду, грѣшнымъ же вѣчную казнь проповѣдуютъ“. Прекрасныя качества названныхъ сочиненій составляютъ прямое отраженіе достоинствъ ихъ автора, совмѣстившаго въ своей замѣчательной личности „разумъ глубочайшій, премудрость чистую, мирную, кроткую, благопокорливую, исполненную милости и плодовъ благихъ, несумяѣнную и нелицемѣрную, постоянство неизблемое, благоговѣйство истинное, совѣсть непорочную, бодрость чудную, въ словеси мѣрность христіанскую, пріемность добропохвальную, увѣтливость удивительную, щедрость богатую, милость велию, помощь усердную, любовь нелицепріемную“. Основательною, поэтому, должна считаться общая надежда, что „возрастающимъ лѣтомъ учителя“, восточной церкви вящшіе благіе плоды возрастати не престанутъ“. Прямая обязанность всѣхъ, пользующихся трудами Симеона, ходатайствовать за него предъ Мздовоздателемъ за заслуги, чтобы сподобилъ онъ, Судія праведный, челоуѣка потрудившагося такъ много на общественную пользу, „за вѣнецъ вѣры пріяти вѣнецъ живота,—якоже вѣнчающій щедротами рече во Апокалипсисіи: буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота; за обѣдъ душевный снѣсти обѣдъ въ царствіи Божіи, за вечерю же душевную на вечерю вѣчныя сладости ввестися, и тамо насытитися славою, по словеси псалмодѣвца: насыщуся, вегда явитися слава твоя; здѣже за жезлъ правленія да послеть ти Господь отъ Сіона жезлъ силы, по словеси пророка: жезлъ силы послеть Господь отъ Сіона“... Да умножить же Превышній на утвержденіе и разширеніе восточной вѣры, „въ богатое возраженіе и цвѣтеніе хвалы Божіи“, лѣта мужественнаго защитителя Православной церкви..., „дабы гласомъ его въ челоуѣцѣхъ неплodствующаяся добродѣтель на все тучное благоплodie претварилася, и цвѣтовъ благовоніемъ смрадь, въ совѣстехъ лежащій, изгоня, благоговѣйство въ челоуѣцѣхъ сердцахъ умножалося, страхъ Божій распространялся, вѣра расширялася, надежда укрѣплялася, милосердіе мощь свою воспріимало, судъ, правда и милость, миръ и любовь непритворная въ цѣлости пребывали, хвала и служба Божія въ церквахъ всюду громогласилися“!... Вотъ какую силу убѣдительности

отеческой любви котораго онъ себя всеприлежно поручаетъ“. Понятнымъ становится, почему многія убѣжденія Полоцкаго сдѣлались убѣжденіями и Медвѣдева, который и сталъ ихъ энергично проповѣдывать. Приведенное письмо—последнее, посланное Медвѣдевымъ изъ Курскаго, Пресвятыя Богородицы, монастыря. Всѣ остальные письма относятся ко времени Сильвестрова пребыванія въ Москвѣ. Медвѣдевъ навсегда оставилъ теперь свою родину: онъ сталъ уже жителемъ столицы. Относительно обстоятельствъ, побудившихъ Сильвестра на это переселеніе, — письма его не даютъ никакихъ разъясненій. Быть можетъ; Полоцкій, изнуренный своею замѣчательною, можно сказать феноменальною дѣятельностію, нечуждою подчасъ и полемическаго задора, имѣя лѣта уже далеко не молодыя (около 50 лѣтъ), желалъ видѣть около себя своего усерднаго поклонника — ученика, талантливость котораго подавала большія надежды, что онъ будетъ дѣятелемъ, вполне способнымъ замѣнить сходящаго со сцены своего наставника, и высказывалъ это желаніе въ нерѣдко посылавшихся имъ Медвѣдеву „извѣствованіяхъ“. Быть можетъ, Симеонъ, съ именемъ котораго соединяется зародышъ перваго высшаго учебнаго заведенія въ сѣверной Руси, Московской духовной академіи, авторъ проекта или „привилегіи“ на ея основаніе, безъ сомнѣнія имѣвшій виды на должность начальника или блюстителя въ новомъ училищѣ, намѣревался окружить себя людьми „единомудрыми въ наукахъ“, которые бы держались его образа мыслей. Не желалъ ли, къ тому же, Полоцкій упрочить за любезнымъ своимъ послѣдователемъ тоже положеніе при дворѣ, которое занималъ самъ, сдѣлать Медвѣдева своимъ преемникомъ? — Не даромъ онъ открылъ Сильвестру доступъ во дворецъ; не безъ вліянія Полоцкаго съ милостивою ласкою и „отмѣннымъ уваженіемъ“ относился Государь къ своему сотоварищу по наукѣ¹⁾. Не привела ли кстатѣ Медвѣдева въ Москву

1) О. Образцовъ въ своей статьѣ: „Кіевскіе Ученые въ Великороссіи“ (Эпоха, янв. 1865 г., 15 стр.) утвердительно говоритъ, что Медвѣдевъ перешелъ изъ Пугивльской обители въ Московскій Заиконоспаскскій монастырь по настоянію Симеона Полоцкаго и самого Царя Θεодора Алексѣевича.

необходимость защитить предъ духовною властію попавшаго въ бѣду „по своей великой простотѣ“ строителя Путивльской обители Софронія, имѣвшаго неосторожность возбудить противъ себя неудовольствіе могущественнаго гетмана Іоанна Самойловича? Дѣло это не мало озабочивало хорошо расположеннаго къ строителю Сильвестра: съ дѣлю какъ-нибудь предложить возбужденный Сафроніемъ гнѣвъ на милость, онъ письменно обращается отъ 28 мая 1677 года къ отцу и сыну Романовскимъ, „не оставившимъ являть отсутствующему свое великое милосердіе“, чтобы они „имже вѣдятъ способы“ уговорили гетмана отписать къ Святѣйшему Патриарху, „ибо безъ него конечно Путивльская пустынь, за неимѣніемъ добраго строителя, разорится“. Сильвестра весьма радушно приняли въ Москвѣ. Въ его письмѣ къ князю Михаилу Григорьевичу отъ 13 іюля 1677 г., вызванномъ, вѣроятно, скорымъ удовлетвореніемъ просьбы ¹⁾ послѣ различныхъ патріотическихъ пожеланій „о еже побѣдiti хвалящагося во множество силы своея Россію разорити прегордаго Турсина ²⁾, якоже хвалящагожеся во множествѣ же силы сына Адерова, царя Сирскаго, царство израильское разорити Израильскій царь Ахавъ Божіею помощію побѣди во единъ день“, слѣдуетъ такая приписка: „При семъ не невѣстно и сіе, яко моему особному милостивому благодѣтелю, да сотворится, яко Іуліа въ 13 день великій Государь благоволилъ быти въ Спасскомъ монастырѣ и мене о моемъ постриженіи и чесо ради не восхотѣлъ на Москвѣ жити, самъ распрашивалъ милостивно; и выслушавъ мой

¹⁾ ... „благотвореніе твое, говоритъ Медвѣдевъ, на скрижалѣхъ моего сердца тако изобразися, яко на хартіяхъ вѣиимъ перомъ: твою милость мнѣ память присно предлагаетъ, разумъ разсуждаетъ, воли благоволилъ“...

²⁾ Ромодановскій былъ въ это время въ такъ называемомъ Чигиринскомъ походѣ противъ „поущеніемъ ненавистника рода христіанскаго, жи отца, внука діавола, бездны адовой, повара Вавилонскаго, Ассирійскаго винокура, великаго и малаго Египта свинопаса, армянскаго пса, татарскаго асида, скарела всего свѣта, проклятаго сатаны юнца, Турскаго Салтага, устремившагося на Православный Россійскій край, наипаче на богоспасаемый царственный градъ Кіевъ, и пославшаго многія своя силы съ нашею и ханомъ Крымскимъ подъ Словенскій градъ Чигиринъ“. („Лѣтописецъ“. ркп. Арх. Леонида).

отвѣтъ, ¹⁾ благоволил не единократь приказать мнѣ жить на Москвѣ, и передъ инѣми милостію, во знамя своего государскія ко мнѣ милости, пожаловалъ приказалъ мнѣ дать на иныхъ всѣхъ, развѣ отца Симеона богатѣйшую келію, и присутствующи ему вси, еще стояшу ему въ церкви и зрящу, явились ко мнѣ милостиви, и приходяще ко мнѣ мене вопрошали... ²⁾ хорошо жилось Медвѣдеву въ Заиконоспасскомъ монастырѣ: онъ пользовался постояннымъ общеніемъ съ „всепремудрствениѣйшимъ риторомъ“ Полоцкимъ, благоволеніемъ государя и его приближенныхъ, благопріятными условіями для научныхъ занятій: къ его услугамъ была богатая книгами бібліотека Полоцкаго. Энергично принялся Сильвестръ за дѣло пополненія своего, уже достаточнаго, какъ видно изъ разобранныхъ нами писемъ, образованія. Книги Полоцкаго, сдѣлавшіяся въ скоромъ времени собственностію Сильвестра, были почти всѣ имъ прочитаны, (о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся на нихъ многочисленныя, собственноручныя его замѣтки), а нѣкоторыя даже и описаны въ бібліографическомъ трудѣ Сильвестра „оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ“, начатомъ еще въ Путивльскомъ монастырѣ и длившемся несомнѣнно долгіе годы. По оставшейся послѣ Медвѣдева бібліотекѣ ³⁾ и

1) Какъ жаль, что этотъ отвѣтъ не приведенъ здѣсь: онъ бы помогъ разъяснить нѣкоторыя стороны въ жизни Медвѣдева, говорить о которыхъ можно теперь только съ прибавленіемъ *вѣроятно, можетъ быть, нужно полагать и т. п.*

2) Слѣдуетъ затѣмъ стереотипная приписка: „Отъ твоей Государской милости милосердія прошу къ Александру Тицу“.

3) Библіотека эта перешла въ вѣдѣніе Заиконоспасской академіи,—вѣроятно въ 1689 г., когда Медвѣдевъ былъ схваченъ, какъ соучастникъ въ заговорѣ съ Щегловитимъ. Безъ сомнѣнія, по этому случаю и сдѣлана въ сентябрѣ того же года опись всѣмъ книгамъ Медвѣдевской бібліотеки. По этой описи, (хранящейся въ Архивѣ оружейной палаты), въ бібліотекѣ значится 603 №№ книгъ рукописныхъ и печатныхъ, по преимуществу на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ языкахъ, —немного книгъ на греческомъ, принадлежавшихъ, вѣроятно Полоцкому, который по гречески нѣсколько зналъ: „мало что знааше“, по выраженію Остена, и на нѣмецкомъ. Въ настоящее время бібліотека Медвѣдева раздѣлена: одна часть ея находится въ Синодальной, другая въ Московской Семинарской бібліотекахъ, третья въ Московскомъ комитетѣ для цензуры духовныхъ книгъ, а самая большая часть въ бібліотекѣ Московской духовной типографіи.

составленному имъ „Оглавленію книгъ“ можно составить о немъ ясное, какъ объ ученомъ, представленіе. По содержанію своему, книги, которыми пользовался Медвѣдевъ, касаются разныхъ отраслей знанія: богословія, философіи, (главнымъ образомъ), — исторіи, фітологіи, гражданскаго права, словесности, риторики, діалектики, естествознанія, медицины, географіи, математики и даже астрономіи ¹⁾. Въ рукахъ Медвѣдева были, такимъ образомъ, обширныя средства къ приобрѣтенію всестороннихъ познаній и, на самомъ дѣлѣ, начитанность его была замѣчательна. Помимо переводной литературы, онъ изучалъ также произведенія славянорусской письменности: немногія изъ нихъ остались неизвѣстными любознательному ученому (см. ст. Ундол. о Сильвестрѣ, XIX стр.), — и сдѣлался, по компетентному свидѣтельству своего современника, ²⁾ „чернцемъ великаго ума и остроты ученой“. Библиографическій трудъ „Оглавленіе книгъ и кто ихъ сложилъ“, несомнѣнно принадлежащій Медвѣдеву, заставляетъ считать его самымъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ писателемъ своего времени, даетъ ему право на названіе отца славяно-русской библиографіи (ст. Унд. стр. XXVIII). ³⁾ Книги, читаемыя Сильвестромъ, обогащали его разнообразными свѣдѣніями, направленіе же приобрѣтаемой имъ учености общалось Симеономъ Полоцкимъ. ⁴⁾ Медвѣдевъ съ глубочай-

1) См. Врем. Имл. Общ. ист. и древн. 1853 г. 16, Вѣст. Евр. 1827 г., № 16, со стр. 255.

2) Графа Андрея Артамоновича Матвѣева, (см. его записки о стрѣльцкомъ бунтѣ, 56 стр. по Сахарову).

3) Въ этомъ трудѣ „у Медвѣдева нѣтъ ни одного ненужнаго слова, ни одного излишняго замѣчанія. Перечтите всѣ его извѣстія о сочинителяхъ, переводчикахъ и издателяхъ книгъ, и вы не найдете и гдѣи той пустой фразеологіи и ненужныхъ разсужденій, какія видны въ другихъ его сочиненіяхъ (изъ этихъ другихъ Ундольскому слѣдовало бы исключить записки Медвѣдева о стрѣльцкомъ бунтѣ, почти не страдающія указанными недостатками); здѣсь онъ настоящій библиографъ: точенъ, формаленъ, всегда ровенъ и вѣренъ самъ себѣ“ (стр. XIX).

4) Въ богословскихъ разсужденіяхъ, различныхъ стихотвореніяхъ и многихъ письмахъ Медвѣдева вообще мало оригинальности: они составляютъ положительное подражаніе произведеніямъ Полоцкаго. Вообще нужно сказать, что эти двѣ замѣчательнѣйшія личности 17-го столѣтія связаны между собою тѣснѣйшими узами.

шимъ благоговѣніемъ относился къ своему патрону, въ его литературныхъ трудахъ видѣлъ верхъ совершенства, „съ велимъ душевнымъ веселіемъ читалъ ихъ“, по собственному выраженію, — и изучалъ, ¹⁾ всякое „устоглаголаніе“ своего учителя считалъ перломъ премудрости, не подозрѣвая, что „прельщается словесами, полными латинскія мысли“. Полоцкій въ практической и теоретической области былъ идеаломъ для Медвѣдева. Подобныя отношенія Медвѣдева къ Полоцкому были опредѣлены еще ихъ современниками, которые въ вопросахъ, касающихся догматики, не усвоивали Сильвестру самостоятельности убѣжденій, а считали ихъ заимствованными „у іезуитскаго ученика, уніата суца, Симеона Полоцкаго“ (см. „Бесѣду о смущеніи и волненіи въ церкви Россійстей“... помѣщ. въ Щитѣ вѣры л. 227, — ср. 5-й не переплет. сборн. Сип. Б—ки, л. 367, Остенъ, стр. 75), — самого Медвѣдева называли, поѣтому, его ученикомъ и наслѣдникомъ, т. е. послѣдователемъ (Остенъ 140 стр.). Недолго, впрочемъ, Медвѣдеву, по пріѣздѣ изъ Молченской пустыни, пришлось пользоваться наставленіями Симеона. 25 августа 1680 г. „смертная коса посѣче“, какъ выразился

1) Рукописи Полоцкаго исцедрены различными, въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, очень неважными, добавленіями Сильвестра: см. II т. Опис. ркп. Синод. библ., № 250—„Вечерю или собраніе поученій на праздничные дни и особенные случаи“; № 251—„Вечерю Симеона Полоцкаго“, въ которой, помимо различныхъ поправокъ и замѣтокъ, Сильвестромъ приписана большая вставка о наказаніи прибѣгающихъ къ волшебству, — вмѣсто прежняго краткаго заглавія слова: „поученіе отъ іереевъ къ сущимъ подъ ними“, сдѣлано обширное, и переписано на бѣло все слово къ запорожскому воинству; № 252—„Вѣнецъ вѣры католическія“ и „Катихизисъ“ (оп. Горск. стр. 227); „Вѣнецъ вѣры“ списанъ Медвѣдевымъ всецѣло, и прибавленно къ нему одно „заданіе“ (возраженіе); подъ № 254—значится еще списокъ „Вѣнца вѣры“ и „Катихизиса“—руки Медвѣдева; кромѣ того, Сильвестру принадлежатъ многочисленныя помѣтки въ „бесѣдахъ и переводахъ Симеона Полоцкаго“ (№ 256), — съ которыхъ онъ (Медвѣдевъ) сдѣлалъ отдѣльный списокъ (№ 258); въ одномъ экземплярѣ „Обѣда душевнаго“, рукописи Симеона Полоцкаго (№ 340), встрѣчаются русскія, латинскія и польскія приписки Медвѣдева, показывающія время написанія извѣстной проповѣди, или сообщающія имена писателей церкви, словами которыхъ пользовался проповѣдникъ, или замѣняющія одно слово другимъ: вмѣсто Богъ, напр., ставится въ одномъ мѣстѣ Господь, вмѣсто свекровь—теща, — въ другомъ, писанномъ разными почерками (№ 341), Медвѣдевымъ вписаны нѣкоторые пропуски переписчиковъ, предисловіе, оглавленіе словесъ и стихи, замѣняющіе эпилогъ.

Остенъ, славнаго учителя, который „отходя отъ жизни сея, приказа душу свою единомудру себѣ въ наукахъ С. Медвѣдеву, ученику своему“. (Остенъ „Дамаскина, ркп. Сиб. д. акад.). Сильно скорбѣлъ Сильвестръ о своей тяжкой потерѣ, къ глубокой же скорби онъ призывалъ и другихъ:

„Зряй, человекѣ, сей гробъ, сердцемъ умилися,
о смерти учителя славна прослезися“!

Такъ восклицаетъ онъ въ составленной имъ подписи на гробъ Полоцкаго (нанеч. въ 18 ч. Др. Россійск. Библіотеки 198—9 стр. и запискахъ о Россіи Пассекъ; надпись эта доселѣ хранится въ Заик. монастырѣ), своемъ первомъ стихотворномъ опытѣ. (Нужно замѣтить, однако, что въ этой надписи Медвѣдевъ до буквальности повторился: въ стихахъ, далеко не изящныхъ, онъ выразилъ тѣже самыя мысли, которыя нѣкогда высказалъ въ одномъ изъ разобранныхъ нами выше писемъ). Невозможно было, по мнѣнію Медвѣдева, не грустить о рано покинушемъ земную жизнь, незамѣнимомъ для родной страны, дѣятелѣ, человекѣ, по истинѣ заслуживающемъ удивленія за свои нравственныя качества:

„Учитель бо токмо единъ таковъ бывшій,
Богословъ правый (?), церкви догматомъ учившій,
Мужъ благовѣрный, церкви и царству потребный,
Проповѣдію слова народу полезный,
Симеонъ Петровскій, отъ всѣхъ вѣрныхъ любимый,
За смиренномудріе преудивлимый,
Имъ же польза вѣрные люди услаждала,
Незлobie же, тихость, кротость удивляла,
Въ немъ же вѣра, надежда, любви пребывала....
Многими дары Богомъ бѣ одаренный,
Непамятозлobieмъ весьма удивленный,
Іеромонахъ честный; чистоты любитель,
Воздержанія въ словѣ ¹⁾ и въ дѣлѣ хранитель;
Ни о чемъ же иномъ оный промышляше,
Но еще церковь, нашу мать, увеселяше,
Не хотя ино Божій рабъ что глаголати,

1) Къ слову: расхваливая это качество въ учитель, Медвѣдевъ не постарался о приобрѣтеніи его, за что дорого и повалится впоследствии.

Токмо что пользу можетъ ближнимъ созидати,
 Ничего же ина творити любяше,
 Точію еже Богу непротивно бяше,
 Иже труды си, многи книги написахъ есть,
 И подь разсужденіе церковное даль есть, ¹⁾
 Съ церковію бо хотя согласенъ онъ бывати,
 А ничто же противно церкви мудрствовати,
 Ибо тоя поборникъ и смилъ вѣрный бяше:
Ученіемъ правымъ ²⁾ *то міру показаше.*
 Въ защищеніе церкви Жезлъ создалъ есть,
 Вечерю, псалтирь, стихи съ риомословіемъ,
 Вертоградъ многоцѣнный съ бесѣдословіемъ, —
 Всѣ оныя книги мудрый онъ мужъ сотворивый
 Въ наученіе роду Россійскому явивый.
 Обаче и сего смерть отъ насъ похитила
 Церковь и царство пользы велія лишила.

Сильвестръ занялъ теперь положеніе и вліяніе Полоцкаго: сдѣланный строителемъ и настоятелемъ Законоспасскаго монастыря, онъ сталъ въ тѣсныя отношенія къ Двору, и пользовался здѣсь великимъ успѣхомъ. Феодоръ Алексѣевичъ, человѣкъ европейски образованный, глубоко уважалъ начитаннаго, талантливаго монаха Сильвестра, неоднократно посѣщалъ его въ Законоспасскомъ монастырѣ, какъ ученаго мужа, часто бесѣдовалъ съ нимъ во дворцѣ и переписывался съ „пречестнѣйшимъ отцемъ“ собственноручно. ³⁾ Мед-

1) Если вѣрить „Слову поучительному Святѣйшаго Іоакима, Патріарха Всероссийскаго“, то это свидѣтельство о Полоцкомъ оказывается не совсѣмъ справедливымъ: Симеонъ, говоритъ Патріархъ въ своемъ словѣ, „только освоено-лиса, дерзвѣ, за вѣннимъ попущеніемъ, печатнымъ извѣніемъ вѣкія своя книги издати, обогавъ мѣрность нашу, предъиса въ нихъ, яко бы за нашимъ благословеніемъ тыя его книги печатаны. Мы же, прежде типокарскаго изданія, тѣхъ книгъ виже прочитахомъ, виже яко либо видѣхомъ, но, яже еже печатати, отгюдь, не токмо благословеніе, но ниже извѣленіе намѣ бысть“... (Остязъ 138 стр.).

2) Не всегда то правымъ.

3) Въ приложеніяхъ ко 2 т. Истории царствованія П. Великаго (см. примѣчаніе 15) помѣщены, найденныя ея авторомъ въ Государственномъ архивѣ, двѣ записки царя Феодора къ Медвѣдеву, имѣющія большую важность для характеристики отношеній между этими, занимавшими далеко неравное положеніе въ обществѣ, воспитанниками Полоцкаго: „Усвидайся съ Желдобовкомъ (?), об-

вѣдѣвъ сталъ главнымъ духовнымъ лицомъ при дворѣ: уваженіе, которое прежде оказывалось Полоцкому, какъ придворному пѣтѣ, перешло въ наслѣдство его любимцу, который, владѣя несомнѣнною богатою эрудиціею, дерзалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру „прѣмословца“ Симеона, пускаться и въ область стихотворства, благодаря чему, конечно, и поддерживалъ свое высокое, добытое личными достоинствами, положеніе. Даровитый Сильвестръ былъ годеень, какъ говорится, на всѣ руки: сегодня онъ выступаетъ въ роли апологета православія, ¹⁾ чрезъ нѣсколько времени мы видимъ „бряцающимъ на лирѣ“, звуки которой въ свое время, вѣроятно, доставляли непрехотливымъ слушателямъ высокое наслажденіе. 14 февраля 1682 г. совершилось блакосочетаніе Θεодора Алексѣевича съ Марѳею Матвѣевою Апраксиною: свои

рпашается въ одной изъ нихъ государь къ „честному отцу Сильвестру“, и рассмотря ево, со мною увидися“; въ другой, помѣченной 1 числомъ марта 1682 года, Θεодоръ Алексѣевичъ, отвѣчая на принесенное ему отъ Медвѣдова письмо (законченное, по обыкновенію, просьбою), въ такихъ словахъ высказываетъ Законоспасскому строителю свое личное мнѣніе о немъ: „прочеть твое писаніе, разумѣю, яко не туне почіеть на тебѣ даръ, первымъ апостоломъ данный, духъ премудрости, яже при тебѣ сть“... Просьба Медвѣдова была немедленно удовлетворена: „о комъ писалъ, безъ призрѣнія ему не будетъ: о корму ево приказано Алексѣю Дихачеву“. Очевидно, что строитель былъ силовъ, и весьма значительною, при дворѣ Θεодора Алексѣевича. И Сильвестръ умѣло пользовался благорасположеніемъ своего сильнаго покровителя: помогая явнымъ при случаѣ своимъ вліятельнымъ ходатайствомъ, а въ своему монастырю привлекъ богатаго жертвователя: „Великаго Бога великій рабъ, лишетъ онъ въ мартѣ 1682 г. одному изъ придворныхъ, Петру Симеоновичу, (Урусову?—см. Зап. Матв. 6 стр.), благочестивѣйшій нашъ Самодержецъ Θεодоръ Алексѣевичъ благоволилъ къ нашему убогому (?) монастырю особую свою царскую милосердную благодать являти: и того ради хотѣ онъ, великій Государь, на славу Божию и на вѣчную имене своего память, евангеліе святое украса, въ церковь Спасову даровати. И по оному Его Государскому милосердому указу и вѣнецъ на оно евангеліе въ его государской серебряной палатѣ серебрянъ устроено, и на немъ то Его государское благословленіе“... (Ркп. Румянц. Муз. № 793, черн. письмо Медвѣдова).

¹⁾ Въ началѣ 1681 года въ Москву прибылъ иноземець Янъ Бѣлободскій, бывшій кальвинскимъ проповѣдникомъ въ Слуцкѣ, съ цѣлію поступить, судя по его собственнымъ словамъ, наставникомъ въ проектированную царемъ Θ. Алексѣевичемъ академію. Медвѣдѣвъ скоро замѣтилъ неправомысліе этого „вацериметра“ и чрезъ своего единомышленника Павла Негребецкаго подалъ государю челобитную, въ которой обличилъ ерстичество Бѣлободскаго и его невѣжество:

радостныя чувствованія по поводу этого событія Медвѣдевъ изливаетъ въ виршахъ. Плодъ его вдохновенія, „Привѣтство брачное Великому Государю, Царю Θεодору Алексѣевичу, на бракосочетаніе съ великою княгинею Марѳею Матвѣвною“, въ скоромъ же времени появился въ печати (см. Сопикова 1 т. оп. Россійской библиографіи № 910, Сахарова 792, Унд. 991). ¹⁾ Только два съ половиною мѣсяца послѣ своей женигбы жилъ Θεодоръ Алексѣвичъ: въ апрѣлѣ тысяща шесть сотъ осьмьдесятъ втораго року, когда уже „прилично было цвѣтамъ процвѣтати, въ благолѣпной юности, яко же цвѣтъ красный, увяде Θεодоръ въ часъ смерти ужасный“. Глубоко опечаленный столь преждевременною кончиною дружественно относившагося къ нему государя, Медвѣдевъ посвятилъ памяти преставльшагося длинную элегію (напечат. въ 14 ч. Др. Росс. Вивлюэаки): „Плачь и утѣшеніе двадцатьма двѣма виршами, по числу лѣтъ Его царскаго Пресвѣтлаго Величества, яже поживе въ мѣрѣ“. ²⁾ Въ предисловіи къ читателю стихотворецъ выясняетъ цѣль своего произведенія, состоящую въ томъ, чтобы побудить плакать со плачущими людьми, легкомысленно ко

науки своея сей еретикъ не изьявлялъ высокія, яже бы чести достойныя, каковы суть философія и богословія православныя, политика, эфика и маематическія науки, токмо явилъ науку сатанинскую, прелестную, въ похуленіи св. Таишъ“ (см. рук. С. Медв., наход. въ библ. М. Д. Акад. подъ № 68; ср. Пр. къ твор. св. Отец., 1862 г. ч. 21, стр. 594, ст. Н. П. Субботина). Что отзывъ Медвѣдева о Бѣлободскомъ вполне справедливъ, мы видимъ изъ комичнаго диспута его въ Лихудами, когда „философія профессоръ“ „при первомъ же вопросѣ отъ предреченныхъ къ нему абіе пребысть безгласенъ“ (см. „Агостъ“ рук. М. Д. Ак.). Указавъ на неспособность Бѣлободскаго къ занятію профессорской катедры въ академіи, Сильвестръ рекомендуетъ лицъ, которымъ, по его мнѣнію, науку вручить безопасно и стадо Христова вѣрнати возможно: постоянного въ богословіи и въ философіи Елисея Карабчикѣвича, игумена Добромисльскаго, іеромонаха Гавалевича, въ состояніи зѣло остраго,—православія отъ ересей защитителя игумена Люблинскаго монастырскаго,—зѣльнаго благочестиваго вѣры поборника Терновскаго. Нужно замѣтить, что всѣ указанныя лица происходили изъ югозападныхъ областей русскихъ, по направленію своей учености, подобно Полоцкому и Сильвестру, принадлежали къ Кіевлянамъ.

1) Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія, мы не нашли „привѣтства“ ни въ одной изъ Московскихъ библиотекъ

2) Θεодоръ скончался 20 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ (род. оувъ 30 мая 1861 г.) Ист. П. В. 1 т., примѣч. 29 е.

всему относящихся, неспособныхъ предаваться какому либо чувству въ продолженіи болѣе или менѣе долгаго срока, у которыхъ „когда со очесъ, то и изъ мыслей“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „неутѣшнѣ скорбящимъ и рыдающимъ“ подать отраду въ горькой печали. Составленъ „Плачь“ весьма замысловато, хотя его планъ положительно не оригиналенъ, а заимствованъ у Полоцкаго. ¹⁾ Начинаетъ прежде всего плакать сугубоглавый царскаго пресвѣтлаго величества знаменнѣ орелъ: „аможе полечу, нигдѣ же моего солнца не обрѣтаю“—разсказываетъ орелъ о своемъ горѣ. „Престани отъ слезъ твоихъ, отрини скорбь многу“—говоритъ „сугубоглавному“ утѣшеніе отъ лица Θεодора:

„Софія, мудрости тезоименита,

Въ скорби твоей отрада будетъ знаменита“.

Вслѣдъ за орломъ начинаетъ свои причитанія

„сущій во орлѣ царскаго пресвѣтлаго величества воинъ“:

скучно ему стало послѣ того, какъ Θεодоръ,

„Премудрости полный, оставилъ мѣръ сей долнѣй“.

Нѣтъ уже теперь для воина радости:

„Вмѣсто рѣкъ кровавыхъ“, печалуется онъ, „ими же
во брани

Руцѣ свои омывахъ, дая врагамъ раны,

Во слезахъ мои смутныя ланиты омыю,

Дондеже самъ подъ смертнѣй мечъ преклоню выю.

Воинъ есмь, но безъ вожда лучше мнѣ не жити,

Безъ тебе, Θεодоре! лучше мнѣ умерти“.

Такая трогательная грусть начертаннаго въ Россійскомъ орлѣ „храброственнаго“ всадника была награждена 16 стихами „Утѣшенія“. На смѣну воина выступаетъ осиротѣвшая вдова, молодая царица Марѣа Матвѣевна:

1) По кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, бывшаго покровителемъ и благодѣтелемъ Симеона, послѣднѣй сочинилъ Драматическую Элегію въ стихахъ, въ которой представилъ его самого говорящимъ къ Богу, къ наследнику своему царевичу Θεодору Алексѣевичу, съ вставленіемъ какъ царствовать, ко всемъ особамъ царской своей фамиліи, къ патріарху, архіереямъ, боярамъ, властимъ, воинству и ко всемъ своимъ подданнымъ, съ присочокупленіемъ ихъ отвѣтовъ къ нему, а напоследокъ прибавилъ 12 плачей о немъ. Въ семь разговорѣ и плачѣ Полоцкій впагаль въ уста каждому по свойству ихъ приличныя слова (см. слов. Евг. ст. о Полоцкомъ).

„Что мнѣ драгія нынѣ ризы позлащенны,
 Многоцѣннымъ бисеромъ полно насажденны?“ въ отчаяніи восклицаетъ она:

„Лишихся Θεодора, друга мнѣ любезна,
 О печали! никогда буду утолима
 Отъ слезъ горькихъ....

„Царице моя, Марео, ты паче всѣхъ зѣло
 Печальна о смерти моей бѣше, вѣмъ всецѣло“,
 отвѣчаетъ на этотъ разъ особенно многословно, въ 48 вѣршахъ, Θεодоръ:

„Не рыдай убо мене, не рыдай Царице,
 Всеу точиши слезы, всеу сунпиши лице.
 Софія, вседушно любимая мною,

Восхоцетъ милость свою имѣти съ тобою“. ¹⁾

За царицею заплакали царевны Анна и Татьяна Михайловны, Евдокія, Марео, Софія, Екатерина, Марія, Θεодосія и Наталія Алексіевны, но онѣ плачутъ немного: каждая изъ нихъ произноситъ только по 8 стиховъ, за исключеніемъ Софіи, на долю которой пришлось 12. Всѣмъ имъ „общее“ сказанъ разомъ одинъ отвѣтъ, и тотъ съ выговоромъ: „совсѣмъ забылъ я, яже бяху злая въ мірѣ, слушая сладостныя ангельскія пѣсни; меня вывелъ изъ забвенія плачь вашъ и великіе воцли, —

Но пѣснь ваша далече отъ ангельской разна:

Она радости исполнь, ваша отнюдь праздна

Что убо ма слезите во радости суца,

Царствіе безконечно со христомъ имуща?

И къ чему эти слезы? Чего вы ими хотите достигнуть.

Хощете ли, да сниду къ вамъ свыше? Сіе нѣсть отнюдь
 мощно“. — Кончу словомъ, лучше мнѣ есть во вѣки жити

Въ небѣ, неже на земли смерти ся хранити.

¹⁾ Любопытны эти упоминанія о Софій Алексіевнѣ: они показываютъ, что Сильвестръ въ это время хорошо зналъ замѣчательную личность Царевны, зналъ ея достоинства, и уже испытывалъ на себѣ то обаятельное впечатлѣніе, которое производила Софія своимъ „чуднымъ смысломъ“ на окружающихъ, и которому впоследствии отдался вполне, со всею цѣлостію своей природы, умѣвшей крѣпко любить и сильно ненавидѣть. Знакомство это началось, какъ можно предположить съ большою вѣроятностію, еще при Полоцкомъ, общемъ учителѣ Царевны и Медвѣдева.

Тѣмъ же, возлюбленныя сестры, не слезите
 Молю, но съ любовію мени помяните“. И вотъ мой за-
 вѣтъ вамъ: „Неподвижно во благихъ дѣлѣхъ стойте,
 Преподобителіе во вѣрѣ, любвѣ со собою,
 Богъ же да утвердитъ вы крѣпко во обою.
 Братію свою, царей, честнѣ почитайте,
 Монастыри и церкви присно ущедряйте.
 Духовный чинъ съ нищими, ради молитвъ къ Богу,
 Отъ рукъ вашихъ да приметъ милостыню многу“.

Плачутъ затѣмъ Великая, Малая и Бѣлая Россія, плачутъ каждая особо, и каждой изъ нихъ—отдѣльное утѣшеніе. Въ самомъ концѣ хитраго стихосплетенія помѣщено „Надгробное блаженнаго памяти Великому Государю Θεодору Алексѣевичу, по числу лѣтъ, колико царствова, расположенное: первое отъ лѣта, въ оно же преставися; второе отъ мѣсяца, въ онъ же преставися: (Въ апрѣлѣ прилично есть цвѣтамъ процвѣтати, а нашему случися цвѣту увидати)“; третіе — отъ числа, въ немъ же преставися, ¹⁾ четвертое отъ святаго, тогда празднуемаго; пятое отъ дне, въ онъ же преставися (въ четвертокъ Христосъ Госнодь вознесся въ небо, и Θεодоръ Царь Ему подражаетъ: се бо въ четвертокъ преставися на небо отъ земныхъ), шестое отъ сего, яко въ день преставися, а не въ ноци (Государь Свѣтъ, Θεодоръ, бѣ сынъ дне ко Богу, тѣмъ преjde во дни, яко свѣтъ ко свѣту многу). При смутныхъ, тревожныхъ обстоятельствахъ „отъиде отъ жизни сея“ царь Θεодоръ Алексѣевичъ: немедленно по кончинѣ его „учинился преужасной и кровопролитной бунтъ, коему подобнаго Россійская исторія не имѣеть“ (6 ч. соч. Тум. 5 стр.). Цѣлый рядъ убійствъ совершенъ былъ буйными, нигдѣ не встрѣчавшими себѣ твердаго отпора, не сдерживаемыми властію, стрѣльцами, которые „сви-

1) Неповѣстнымъ представляется, почему Медвѣдевъ въ своемъ „Плачѣ“ невѣрно выставилъ число мѣсяца, въ которое послѣдовала смерть Θεодора Алексѣевича: онъ показываетъ здѣсь 23, — „въ двадцать третьемъ числѣ, чрезъ смертную смѣлость, отданъ есть имущему богатую милость царь Θεодоръ Алексѣевичъ“, — тогда какъ въ запискахъ о стрѣльцкомъ бунтѣ 27 (см. 2 стр. по изд. Сахар.). Плачъ этотъ былъ написанъ Медвѣдевымъ уже спустя нѣкоторое время, по смерти Θεодора: „Невѣзь, говоритъ Медвѣдевъ въ предисловіи, яко уже пріиде время, въ его же достояше писати хотящему о преставленіи блаженнаго памяти Вел. Гос. Царя Θ. Алексѣв.“.

рѣшительствомъ ярились, яко звѣри неукротимыя“ (Зап. Медв.).

Въ то же время, „видяще стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, врази святыхъ церкви, раскольники, начаша на святую церковь ратовати, народъ простой возмущати“. Государство было истерзано происходящими въ немъ неурядицами, но Промыслъ хранилъ Россію. Премудрый Богъ, чудодѣйствовавшій въ древніе роды чрезъ женъ мудрыхъ, къ пособію правленія царства благочестивѣйшаго царя Петра Алексѣевича, въ юныхъ его лѣтахъ воздвиже сестру его, благородную царевну и великую княжну Софію Алексѣевну, *ей же даде чудный смыслъ и сужденіе, и благоразумнымъ своимъ привѣтомъ* (зап. Медв. 17 стр.), *вѣщая не яростію, но смиренномудренною кротостію* (21 стр.), иногда даже *умиленно и со плачемъ* (28 стр.), употребляя въ случаѣ нужды и строгія, карательныя мѣры (29—30 стр.), она сумѣла успокоить волненія и возстановить порядокъ. Очевидецъ всѣхъ этихъ событій, Медвѣдевъ, предалъ ихъ на память послѣдующимъ поколѣніямъ въ своихъ замѣчательныхъ, весьма добросовѣтныхъ, обличающихъ въ немъ человека умнаго и дѣльнаго, обстоятельныхъ, доставляющихъ драгоценный матеріалъ для исторіи того смутнаго времени, запискахъ о стрѣлцкомъ и раскольничьемъ бунтахъ.¹⁾ Благодаря С. Алексѣевнѣ, сумѣвшей найти себѣ энергичныхъ помощниковъ, стрѣлцкій мятежъ вскорѣ прекратился. Раскольники также на время затихли. Но еще не скоро суждено было успокоиться обществу. На сцену выступила забытая было на время борьба между ревнителями русской старины и русскаго благочестія и представителями нѣкоторыхъ латинскихъ новшествъ, разгорѣлся, по выраженію книги Остенъ, сикилійскій огонь. Борьба эта приняла ожесточенный характеръ, увлекла громадныя массы русскихъ людей и разгорѣлась до такихъ размѣровъ, что не ограничивалась предѣлами Великороссіи: къ участію въ ней были призваны представители южнорусской церкви и восточные патріархи. Дѣло приняло такой обо-

1) Записки эти напечатаны первоначально въ 6 ч. сочин. Тум., затѣмъ полнѣе въ запискахъ русскихъ людей Сахарова; нѣсколько важныхъ документовъ, касающихся бунта и сохранныхъ Медвѣдевымъ, отпечатаны въ IV т. Акт. Археограф. экспедиціи.

рогъ, что понадобилось созваніе собора. Борьба эта шла на религиозной почвѣ: ея главнымъ предметомъ были разсужденія о времени пресуществленія въ таинствѣ Евхаристіи. Медвѣдевъ былъ теперь не только очевидцемъ происходившихъ волненій, но и однимъ изъ главныхъ вожаковъ дѣла. Борьба эта, породившая громадную литературу, крайне обострила отношенія партій и зачастую изъ богословской области переходила въ личные счеты. И нужно замѣтить, что антипапешническая партія, выставившая первоначально на защиту своихъ мнѣній чудовскаго монаха Евѳимія и ризничаго Іакинфа, имѣла сильнаго противника въ лицѣ Сильвестра, „иже во вся дни своя творяше распри и свары; языкъ свой изостряше яко змійнъ; въ устахъ его бѣ ядъ аспидовъ, полнъ горести и отравы: злоковаренъ бо бѣ отъ юности возраста и любопривъ, уста имѣя безвѣрна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварствъ, языкъ же непремолчно блядущъ, толико яко всему его тѣлу мнѣтися быти языку.“ Своимъ „блядословіемъ“ „онъ наполнилъ слухи премногихъ челоуковъ, и воста тогда презѣльная буря на святое восточныя церкви православіе въ Вѣлицѣй Россіи,“ (Щить вѣры, ркп. М. Син. Б-ки, л. 226). „Бѣ развращеніе святыя церкви истиннаго мудрованія, еже великая свѣтила церковная, святіи апостоли и учитиліе, предаша и научиша“ (Щить вѣры, л. 227). „Многорѣчивый и остроглаголивый“ Сильвестръ „разширяше и утверждаше въ народѣ ересь ону по предписанному отъ Симеона полоцкаго“ (Ост. 141 стр); „ввергалъ въ церковь распри и тѣло Христово терзалъ паче, неже воины копіемъ пресекоша, или іудее гвоздми прободоша“ (Щить вѣры, л. 239), такъ что, „аще не бы всемошная десница Высочайшаго не-сказаннымъ своимъ промысломъ умысль его и совѣтъ таковый злочестивый преняла, рѣдци бы остались твердо стояще въ восточномъ отцепреданномъ благочестіи; множайшіе же, или бы негли мало не вси, уклонилися въ слухъ погибельный папешскаго злочестія“ (Ост. 141—2 ст.). Такъ красно и убѣдительно умѣлъ говорить Медвѣдевъ, съ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ соединившій въ себѣ большую любовь къ словопреніямъ: „любопривъ бѣ, уста имѣя бездвѣрна, языкъ же непремолчно блядущъ, толико яко всего его тѣлу нѣмтися быти языку“ (Ост. 75 стр.), говорить о немъ со-

временная историческая записка, относящаяся къ Сильвестру, нужно сказать, далеко не благосклонно и подчасъ не вполне справедливо. Въ защищеніи лжи скося, ловкій, практичный Сильвестръ сумѣлъ „усвоить некихъ и отъ сигклята царскаго ближнихъ,“ въ томъ числѣ и ближнего окольничего, недостойна суца сана онаго и достоинства сигклитскаго, купно и имене богодарованнаго—Теодора, но суца офеодора Шакловитаго“ (Щитъ вѣры—„Бесѣда о смущеніи и волненіи, бывшемъ въ церкви россійскѣй“). Воспитанница Полоцкаго, царевна Софія, и, вмѣстѣ съ нею, ея фаворитъ, князь В. В. Голицынъ, были также на сторонѣ Медвѣдева, и, сильный оказываемою ими поддержкою, Сильвестръ, „обходяще дома многія, многихъ уклонилъ въ безумная и ложная словеса,“ въ томъ числѣ слѣдующихъ лицъ, имена которыхъ намъ сохранила исторія: іерея Савву Долгаго, въ монашествѣ Симеона, послѣ покаявшагося, діакона изверженнаго Аѳанасія, (людей, по свидѣтельству „бесѣды,“ „ученіе ничтоже вѣдающихъ, но только бездѣльнѣ и безстуднѣ по дворомъ нѣкимъ, яко пси, неистовно ходившихъ и развращенію, по прельщенію того Сильвестра Медвѣдева, учившихъ, яко бы въ прелести великороссійская церковь нынѣ обрѣтается, и прेमного блядословившихъ“), Кіевскаго Кирилловскаго монастыря игумена, Инокентія Монастырскаго, родомъ Евреина, Никиту Гладкаго, „человѣка злодѣя и піяницу, на всякое зло удобна и хотна, и иного тому подобнаго, Алексія именемъ, прозваніемъ Стрижа, и царскихъ палатъ клирика, діакона бѣлорусца Іакова и уставщика Антона Муромца“ (Щизъ вѣры, л. 40). Что писали послѣдователи Медвѣдева въ защиту своихъ мнѣній писали-ли что нибудь, не извѣстно¹⁾, Вся сила борьбы сосредоточивалась на самомъ Медвѣдѣвѣ, какъ главнѣйшемъ представителѣ партіи напешниковъ: онъ всѣмъ заправлялъ и энергично дѣйствовалъ противъ своихъ противниковъ, благодаря чему и пострадалъ впоследствии болѣе всѣхъ за свои убѣжденія. Его не удовлетворяла одна только устная пропаганда латинскаго мнѣнія: онъ распространялъ его и чрезъ свои сочиненія, которыхъ, нужно ду-

1) Объ одномъ только Инокентіи извѣстно изъ „Щита вѣры,“ что онъ написалъ какую-то книгу „въ утверженіе латинскія ереси,“ которую и передалъ на разсмотрѣніе своему ментору, Медвѣдеву.

мать, было не мало ¹⁾). Въ самый разгаръ религізныхъ споровъ, 6 марта 1685 года, въ Москву пріѣзжаютъ, послѣ многихъ приключеній въ дорогѣ, греки Лихуды, которыхъ патріархъ Іоакимъ, въ виду „належащей бѣды,“ и „подвиге въ помощь себѣ“ (Ост. Дам., ркп. Спб. ак.) Лихуды были достойными противниками Медвѣдева. Обладая обширными свѣдѣніями, основательно знакомые съ западноевропейскою и грековосточною ученостію „пріавшіе вѣнецъ философіи“, при строго ортодоксальномъ направленіи, Лихуды свободно могли полемизировать съ Медвѣдевымъ, пользуясь его же орудіемъ — діалектикой ²⁾). Сильно не понравилось Медвѣдеву появленіе въ Москвѣ „новопотаенныхъ волковъ“, какимъ названіемъ возвеличалъ онъ Лихудовъ: онъ видѣлъ въ нихъ не только вполнѣ достойныхъ, пожалуй даже превосходившихъ его, соперниковъ на полѣ богословскихъ состязаній, но и людей, готовыхъ занять начальническое мѣсто въ проектированной Полоцкимъ академіи. Быть можетъ, въ виду скорого пріѣзда Лихудовъ, Медвѣдевъ и поспѣшилъ представить царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ граммату объ учрежденіи академіи. — Но сильна была противная Сильвестру партія, — и не удалось ему достигъ своей цѣли. Пользуясь благорасположеніемъ патріарха, братья за получили въ свои руки дѣло устройства новаго, высшаго, духовно-учебнаго заведенія: „дапо имъ было въ наученіе типографскихъ учениковъ перваго класса пять человекъ, и

1) О родѣ, воспитаніи и дѣяніяхъ Іоанникія и Софронія сообщаются достаточныя свѣдѣнія въ „Мечдѣ духовномъ“ (см. казан. изд. 1865 г. стъ 26 — 35 стр.), и въ исторіи Славяно-Греко-Латинской академіи С. Смирнова (18 — 39 стр.). Въ послѣднемъ сочиненіи разобраны и разнообразныя труды „самобратіи“, которыми они обогатили учебную литературу: греческія и латинскія грамматики, трактаты объ искусствѣ поэзіи или стихосложенія, трактаты риторическіе, учебники логики, психологіи, физики, разныя богословскіе труды, ораторскія произведенія и переводы Лихудовъ. Ученость иноземцевъ постигши въ науцѣ къ себѣ удивленіе: видно, что они были ученѣйшими людьми своего времени.

2) Говоримъ это на основаніи нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ, — въ Остевѣ, напр., находятса слѣдующія строки: Сенка Медвѣдевъ о всѣхъ предстѣхъ своихъ раскаялся и божещѣ суди *вся своя писанія и устогаголанія* и книгу свою оную, Манну названную (Ост. 145 стр.); очевидно, что кромѣ „Маннъ“ единственно, спеціального — богословскаго сочиненія, съ несомнѣнностію приписываемаго бібліографами Сильвестру, послѣднему принадлежали и многія другія „творенія,“ касавшіяся религіозныхъ вопросовъ.

велѣно имъ учителямъ подавать всѣ свободныя науки на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ постепенно. Въ то же время указано Сигкитскимъ и Боярскимъ дѣтямъ учиться въ той же школѣ, которыхъ собрано бѣ больше 40 человекъ, кромѣ простыхъ. Въ 7193 лѣто (1685) Святѣйшій Патріархъ Іоакимъ основалъ помянутую академію въ Спасскомъ монастырѣ, за иконнымъ рядомъ, а на строеніе оное дано изъ пожитковъ Доместика Геродиокана Мелетія грека 2000 рублей, по завѣщанію его къ учителямъ Лихудамъ, иже тѣ школы строили своимъ надсмотрѣніемъ и нашимъ. Совершенно же то училищное строеніе въ лѣтъ 1686. Что же умыслилъ оный вулканъ адской діаволъ, ищай неуспынно, кого бы поглотити? Онъ всадилъ въ сердце вражду братоненависткую тогожъ Спасскаго монастыря строителю, монаху Сильвестру Медвѣдеву, и паче реши, лѣсному медвѣдью, и другу его Θεодору Шакловитому, который Сильвестръ ухитрилъ, якобы оныя учителя захватили подъ школу земли монастырскія, подъ которымъ видомъ повсюду нача злословити и книги писати; а чрезъ Шекловитаго и высокимъ особамъ оныхъ облыгати до толика, яко и милосердо на нихъ призирающихъ противное о тѣхъ вложи мѣніе“ (Историческое извѣстіе о Московской академіи, Др. Рос. Вивл. ч. XVI, стр. 298—300). Сильвестръ пустился, такимъ образомъ, на клевету: для академіи Лихуды заняли столько именно мѣста, сколько назначено было грамотою царя Θεодора Алексѣевича. Раздраженіе обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ „лѣснаго медвѣда“, „звѣрсій къ имени и нравъ имѣвшаго“, какъ аттестовала его статья о творящихъ раздоры, не имѣло предѣловъ: оно было причиною не совсѣмъ честныхъ отношеній его къ Лихудамъ; оно же заставило его дойти въ своей полемикѣ съ ними по вопросу объ одномъ изъ важнѣйшихъ таинствъ христіанской религіи до положительнаго неприличія ¹⁾, а подчасъ до явныхъ про-

¹⁾ Вотъ напр., какими эпитетами награждаетъ (Сильвестръ самобратій: „слышите, новыя прелестницы, бѣшенныя собаки, темнообразныя иноземцы, съ лукавыми своими учениками, лютыя звѣри, сквернѣвыя истопири, слѣпыя совы, нечистыя дули, окаянныя челоуѣки, новыя каны, вторыя іуды, плотныя демоны, прелестныя змѣеве, церквенныя всѣмъ вѣдмыя тать, необратныя разбойники, вераскаанныя грѣховники, неукротимыя на Христова овчата волки, безбоязвенныя святыя воры разорители и хсящимъ спастися пакостники, Божія

творѣчій самому себѣ. Побѣда въ спорахъ осталась все-таки на сторонѣ грековъ. Медвѣдевъ былъ подавленъ логичностію лихудовскихъ разсужденій: въ свою пользу онъ не находилъ достаточныхъ свидѣтельств¹⁾. Быть можетъ, онъ и вывернулся бы изъ затруднительнаго положенія, если бы не палъ одновременно въ другую бѣду, гораздо тягчайшую: замѣшанный въ церковныхъ смутахъ, онъ оказался не чуждымъ и интригъ государственныхъ, отъ которыхъ не удалили его клобукъ и ряса. Сильвестръ вообще былъ большимъ охотникомъ до дѣлъ политическихъ, принималъ въ нихъ горячее участіе, хотя бы о томъ его и не просили, хотя бы даже претендовали за это, и открыто заявлялъ о нихъ свои мнѣнія. Довольно рѣзко, напр., онъ высказы-

враги и сынове погибельныя. тмы наставники, волкомъ пастыріе“... Нужно, впрочемъ замѣтить, что и противники Медвѣдева не скупились на рѣзкія выраженія (см. „повѣсть о новомъ расстригѣ С. М.“, помѣщ. въ книгѣ Остенъ, ср. друг. редакцію этой повѣсти въ 5 перепечат. сб. С. В—ку,—„Всѣду о смущеніи и волненіи, бывшемъ въ церк-и Россійской, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, отъ жемопаха Сильвестра Медвѣдева и склевретовъ его“, помѣщенную въ „Цитѣ вѣры“, статью „о творящихъ раздоры и смущающихъ свягою церковію“, тамъ же, л. 286—292). Даже Лихуды, полемическіе приемы которыхъ вообще довольно пристойны, и тѣ давали не совсѣмъ лестные отзывы о своемъ оппонентѣ. Въ направленномъ ими на Сильвестра „Показаніи истинн“ у Медвѣдева отрицаются даже его ученія познанія,— въ богословіи: (о, хулы нестерпимыя! безъ ученія богословскаго богословствовати хочеть),—въ исторіи (оба же не вѣдны исторіи...),—его способность къ отвлеченному мышленію, къ діалектическимъ разсужденіямъ: „глава его нѣсть прилична ко еже сицевое дѣло (о таинствѣ евхаристіи) разсуждати, неучень есть, и непаказанъ, и разумѣти таковая вопрошенія не можетъ....) видитъ онъ въ Московскомъ государствѣ новыя ученики, съ ними же нѣсть достоинъ глаголати ниже отъ грамматики, ниже отъ интвкы, ниже отъ риторыки, всѣхъ бо сихъ не причастевъ есть, ниже еллински, ниже латински (?), ниже славенску, не причастевъ снй вѣхъ языковъ и писавій ученія“;—Медвѣдевъ, если вѣрить „показанію“, не способенъ былъ даже понимать прочитанное: „прочте, но не уразумѣ, повеже неучень есть... мрака раз и и ученія своего“).

1) Мы не касались подробностей въ вопросѣ объ евхаристическихъ спорахъ, отчасти потому, что это не входитъ въ нашу задачу, отчасти потому, что предметъ этотъ уже былъ обследованъ съ достаточною полнотою въ нашей литературѣ: см. напр., ст. Смѣловскаго „Братья Лихуды“ въ Журн. М. П. Просв. за 1845 г., ст. г. Любимова въ іюль и сентябрѣ кн. Ж. М. П. Пр. за 1875 г., ст. Образцова въ іюль кн. „Эпохи“ за 1865 г. и октябрь Ж. М. П. Пр. за 1867 г., сочин. о. П. Смирнова, (печатавшееся первоначально на страницахъ „Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просв.“), о Патр. Іоакимѣ—5 и 7 гл.

ваются относительно заключенія съ поляками вѣчнаго мира. Этотъ „миръ“ съ поляками государству будетъ убыточенъ, потому какъ нынѣ съ поляками миръ учинится и въ Крыму некоторымъ образомъ не разорите, а государству Московскому податями и иными поборы учините разореніе; а когда поляки увидятъ наше безсиліе, а свою силу, и они миръ не додержатъ“ (см. показ. Медв. въ слѣдств. дѣлѣ о Шакловитомъ). Эти разсужденія навлекли на монаха-политика гнѣвъ могущественнаго князя Голицина. Но еще болѣе повредила ему устроенная совмѣстно съ Шакловитымъ, вскорѣ послѣ перваго Крымскаго похода, похвальная раcea къ портрету Софіи. Надъ этимъ портретомъ Софіи трудились украинцы, приведенные въ Москву полковникомъ Перекрестовымъ—Тарасевичъ съ товарищами. На мѣдной доскѣ представлена была Софія въ коронѣ съ державою и скипетромъ и пышною надписью, составленною Медвѣдевымъ. Вокругъ надписи изобрѣтательный Медвѣдевъ придумалъ 7 изображеній даровъ духа, или добродѣтелей царевны Софіи: разума, цѣломудрія, правды, надежды божественной, великодушія, щедроты, благочестія. Эмблема разума—рука, на которой изображено око, держащая свѣчу въ подсвѣчникѣ и освѣщающая ею шаръ или кругъ;—благочестія—крылатая жена, на головѣ которой горитъ пламень; щедроты—коронованная женщина, держащая въ правой рукѣ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются деньги, лѣвою—раздающая кафтаны; великодушія—коронованная женщина, вѣдущая со скипетромъ въ рукахъ на лѣвѣ; цѣломудрія—женщина, закрытая покрываломъ, имѣющая въ рукѣ лилеи; правды—обыкновенное изображеніе Фемиды; надежды крестъ.—Внизу портрета тотъ же Медвѣдевъ сочинилъ вѣтievатую, напыщенную надпись въ 24 стихахъ:

„Какова въ царскомъ лицѣ премудрость сіяеть,
Какова честь въ очесахъ и устѣхъ блистаетъ;
Та твоимъ, о Россія, царствомъ обѣщанна,
Отъ древнихъ дѣдовъ тебе защищать созданиа.
Та имени твоего крѣпкая защита,
Внѣ о раннѣй варвару землѣ знакомита,
Клятвопреступныхъ знаменъ полки преломивша
И неукрощаемыхъ борцовъ умягчивша...

Такова Семирамисъ у Ефрата жила,
 Яже въ вѣки памятно дѣло творила,
 Елисаеѡвъ Британская скиитродержащи,
 Пульхерія таковымъ умомъ бѣ мыслящи“.

(см. Дѣло о Шакловитомъ, показан. Сенки, Москв. 1843 г. № 10, Рус. Вѣстн. 1841 г. Полев. 3 кн., Рус. Слово 1859 г. № 12, ст. Семевакаго). Усердно позаботился Сильвестръ о распространеніи этой рацеи въ обществѣ, за какія хлопоты ему пришлось впоследствии, когда каждое слово за Софію было вмѣняемо въ преступленіе, испытать не мало непріятностей. Понятно, что въ смутное время борьбы за престолъ Великаго Петра и мудрой Софіи, Медвѣдевъ не сталъ въ сторонѣ отъ событій, но былъ въ нихъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Прикосновенность Сильвестра ко 2-му стрѣлцкому бунту рѣшила его участь. — Осужденный за еретическія мнѣнія — вмѣстѣ — со всѣми своими богословскими сочиненіями соборомъ, состоявшимся въ январѣ 1690 года (см. ст. Смѣлов.: „Братья Лихуды“, изслѣд. о. П. Смирнова о патр. Іоакимѣ 145 стр., и стор. С. Г. Л. Академ. Смирнова 28 стр., ст. Образцова: Кіевскіе ученые въ Великороссіи, помѣщ. въ янв. кн. Эпохи за 1865 годъ, Обз. дух. мит. Филарета 357 стр., а не прежде 1689 г., какъ неправильно сказано въ примѣч. къ соборному постановленію о разрѣшеніи отъ церковнаго отлученія С. Медвѣдева, см. А. И. т. V, № 194.), и самъ осудившій свои заблужденія (см. „Обращеніе Медвѣдева“, напечат. въ „Чтеніяхъ въ общ. Ист. и др. Россіи“ за 1870 г. и въ „Остенѣ“ — 85—104 стр.) за свое участіе въ стрѣлцкомъ бунтѣ, онъ главоотсѣченъ бысть въ лѣто 7199 (1691) февраля въ 11-й день (см. 5 переплет. сборникъ С. В.—ки, описан. у Горскаго подъ № 294, повѣсть о новостригѣ С. М., отпечатанную, хотя не въ полномъ видѣ, въ Москвит., сент. 1843 г., 142—7 стр.). — Трудно судить о томъ, въ какой степени заслужена была Медвѣдевымъ его горькая участь: историки, касавшіеся этого вопроса, имѣя подъ руками одни и тѣ же данныя, слѣдственное дѣло о Шакловитомъ, въ которомъ (дѣлѣ) находятся допросные пункты и отвѣты Медвѣдева, рѣзко разошлись въ своихъ рѣшеніяхъ о сте-

пени участія Сильвестра въ стрѣлецкомъ мятежѣ. Устряловъ во 2-мъ томѣ своей „Исторіи П. В.“ называетъ Медвѣдева тайнымъ руководителемъ, оракуломъ, сообщникомъ Софіи, ревностно и искусно содѣйствовавшимъ ея намѣреніямъ завладѣть царскимъ престоломъ, душою стрѣлецкаго заговора, человекомъ въ высшей степени честолюбивымъ, имѣвшимъ виды на патріаршій жезлъ (см. 2 т. Ист. П. В. 32—33 стр.); совершившуюся надъ нимъ смертную казнь считаетъ заслуженною карою; Аристовъ, жаркій апологетъ Софіи, цѣлю своею поставившій освободить ее и ея приверженцевъ отъ многихъ, издавна тяготѣвшихъ на нихъ, обвиненій, утверждаетъ, напротивъ, на основаніи разбора высказанныхъ на Медвѣдева извѣтовъ, что его нельзя назвать измѣнникомъ и заговорщикомъ, что, несмотря на пристрастное слѣдствіе, никто изъ свидѣтелей не могъ доказать серьезной вины за нимъ: голова его нужна была кому то, и враги Царевны были рады самымъ нелѣпнымъ доносамъ („смуты въ правленіе С. А.“ 139 стр.). С. Мих. Соловьевъ, сужденія котораго были бы наиболѣе цѣнны въ данномъ случаѣ, отводитъ въ своей исторіи Сильвестру Медвѣдеву весьма незначительное мѣсто, и отъ рѣшительныхъ приговоровъ относительно степени его участія въ политическомъ заговорѣ воздерживается, приводя только, гдѣ нужно, выдержки изъ дѣла о Шакловитомъ. Самъ Медвѣдевъ какихъ-либо особенно злыхъ умысловъ не призналъ за собою, не смотря на „горькую“ пытку. (а между тѣмъ съ какою искренностію, съ какимъ осужденіемъ, быть можетъ, преувеличивая даже свою дѣйствительную вину, отнесся онъ къ самому себѣ въ своемъ „покаянномъ исповѣданіи!) — свидѣтельства оговорчиковъ подчасъ — возмутительная клевета: Медвѣдеву приписывается покушеніе на убійство патріарха (показ. Филиппа Сапогова) и даже замыселъ на царскую корону... Но хотя бы и дѣйствительно велика была вина Медвѣдева, своими страданіями во время тяжкихъ пытокъ, своею смертію онъ искупилъ ее. Заслуги же его для русскаго просвѣщенія даютъ ему неотъемлемое право на видное мѣсто въ ряду людей, не мало потрудившихся на

пользу родинѣ. Статью свою мы заключимъ двустипіемъ, которое беремъ съ гробницы одного изъ ученѣйшихъ дѣятелей 17 вѣка (Епифанія Славинецкаго):

Память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудеть!

Петръ Соколовъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru